

ФАНТАСТИКА В ФЕНТЕРИ

АЙЗЕК АЗИМОВ

Роботы зари

Айзек Азимов
Роботы зари [Роботы
утренней зари]
Серия «Детектив Элайдж Бейли
и робот Дэниел Оливо», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158085

Роботы зари: Эксмо; 2007

ISBN 5-699-19552-1

Оригинал: Isaac Asimov, "The robots of dawn"

Перевод:

Ирина Гавриловна Гурова

Аннотация

На Авроре, центральном мире космонитов, произошло «роботобийство». Кто-то намеренно уничтожил мозг человекоподобного робота. Как считает доктор Фастольф, на то что бы такое сделать, на всей планете хватить знаний только у него самого. Но он это не делал. Фастольф – лидер политического движения помощи землянам, и правительству Земли очень не выгодно лишаться его поддержки и оно посылает проверенного уже человека. Бейли должен любой ценой распутать это деликатное дело...

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	17
3	23
4	29
5	42
Глава вторая	46
6	46
7	53
8	74
Глава третья	83
9	83
10	88
11	99
12	103
13	108
Глава четвертая	113
14	113
15	118
16	123
17	135
Глава пятая	147
18	147

Конец ознакомительного фрагмента.

Айзек Азимов

Роботы зари

Глава первая

Бейли

1

Элайдж Бейли укрылся под тенистым деревом и пробурчал себе под нос:

– Так и есть! Я весь в поту.

Он умолк, утер мокрый лоб тыльной стороной ладони, а потом с отвращением поглядел на кожу, залоснившуюся от липкой влаги.

– Ненавижу потеть! – изрек он, ни к кому не обращаясь, словно формулируя космический закон, и вновь озлился на Вселенную за то, что она сотворила нечто необходимое таким противным.

В Городе никто не потел (разве что по собственному желанию!), так как температура и влажность надежно регулировались и организм не подвергался нагрузкам, при которых нарушается теплообмен.

Это и есть цивилизация!

Он посмотрел на поле, на неровную шеренгу мужчин и женщин – в какой-то мере своих подопечных. Большинство составляли юноши и девушки, еще не достигшие двадцати лет, но остальные по возрасту были ближе к нему. Они неуклюже орудовали мотыгами и занимались всякой другой работой, обычно выполнявшейся роботами, для нее сконструированными. И роботы справились бы с ней куда успешнее, но им было приказано отойти в сторону и ждать, пока люди упрямо практиковались в физическом труде.

В небе плыли тучки и сияло солнце, именно в эту минуту скрывшееся за одной из них. Элайдж с тревогой задрал голову, Конечно, она избавляла от прямых солнечных лучей (и пота!), но вдруг хлынет дождь?

Во Вне всегда так – богатейший выбор неприятностей.

Бейли неизменно поражало то, как относительно небольшая туча способна закрыть солнце целиком, погрузив землю в тень от горизонта до горизонта, хотя значительная часть неба продолжает голубеть.

Он остался стоять под густой кроной (подобие примитивной кровли, а ствол с корой, приятно крепкой на ощупь, создает ощущение стены) и перевел взгляд на шеренгу, с удовлетворением ее рассматривая. Раз в неделю они трудились здесь, какой бы ни была погода. И к ним присоединялись все новые добровольцы: горстка мужественных инициаторов заметно пополнилась. Правительство Города, хотя непосред-

ственного участия в движении не принимало, относилось к нему положительно и помех не чинило.

Вдали у самого горизонта справа от Бейли (на востоке, как показывало клонящееся к закату солнце) маячили пологие купола и бесчисленные шпили Города, заключающего в себе все, ради чего стоит жить. И там Бейли вдруг увидел перемещающееся темное пятнышко, еле различимое на таком расстоянии.

Однако манера его передвижения и другие признаки, для которых он не нашел бы словесного выражения, подсказали Бейли, что это робот. Он не удивился: поверхность Земли вне Городов принадлежала роботам, а не людям – за исключением тех немногих, кто подобно ему грезил звездами.

По ассоциации он вновь обратил взгляд на взмахивающих мотыгами искателей звезд, переводя его с одного на другого. Он не только знал в лицо, но мог бы назвать по имени любого. Они трудились, они осваивались с существованием во Вне и...

Нахмурившись, он проворчал:

– А Бентли где?

И сразу же у него за спиной раздался голос, чуть захлебывающийся от торжества:

– Я тут, пап!

Бейли стремительно обернулся:

– Не делай так, Бен!

– Чего не делать?

– Не подкрадывайся ко мне сзади. Во Вне трудно сохранять хладнокровие и без того, чтобы к тебе подкрадывались исподтишка.

– Я не подкрадывался. Но попробуй громко топтать, когда идешь по траве. Она же глушит шаги... Пап, а не вернуться ли тебе? Ты здесь уже два часа и, по-моему, дольше тебе задерживаться не стоит.

– Это еще почему? Потому что мне сорок пять, а ты девятнадцатилетний молокосос? И решил побережь своего дряхлого родителя, а?

– В самую точку! – подхватил Бен. – Какой блестящий детективный анализ! От тебя ничего не скроешь.

Бен широко улыбнулся. Лицо у него было круглое, глаза блестели. Сколько в нем от Джесси, подумал Бейли, От его матери. И ничего общего с его собственной вытянутой чопорно-серьезной физиономией.

А вот умственным складом он пошел в отца и, когда глубоко о чем-нибудь задумывался, было ясно, что его мать хранила нерушимую верность мужу.

– У меня все отлично, – сказал Бейли.

– Не спорю, пап. Ты самый лучший из нас, учитывая...

– Что учитывая?

– Твой возраст, что же еще? И конечно, я помню, что все это затеял ты. Но я заметил, как ты укрылся под деревом, ну и подумал... Может, не надо, старик, перегибать палку?

– Я тебе покажу старика! – пригрозил Бейли. Робот, ко-

того он заметил где-то возле Города, теперь приблизился настолько, что его можно было бы рассмотреть подробнее, но Бейли, не обращая на него внимания, продолжал: – Если солнце светит чересчур ярко, благоразумие требует время от времени постоять под деревом в тени. Мы не только привыкаем к трудностям Вне, но и учимся использовать его преимущества... Вон солнце выходит из-за тучи.

– Ага. Так, может, ты вернешься?

– Ничего, выдержу. Раз в неделю у меня есть свободные полдня, и я провожу их здесь. Пользуюсь привилегией, положенной моему рангу эс-семь.

– Дело не в привилегиях, пап, а в том, чтобы не переутомляться.

– Говорят же тебе, я прекрасно себя чувствую!

– Куда уж лучше! Дома сразу бухаешься на кровать и лежишь в темноте.

– Естественный способ дать отдохнуть глазам от яркого света.

– А мама волнуется.

– И пусть. Ей только полезно. Да и что тут опасного? Самое скверное, что я потею, но и с этим освоюсь. Никуда ведь не денешься. Вначале я не мог даже отойти далеко от Города, сразу поворачивал назад... А ходил тогда со мной один ты. А теперь взгляни, сколько людей тут с нами и как далеко я уйду от Города. И способен много работать. Меня хватит по крайней мере еще на час. А то и больше. Знаешь, Бен,

маме стоило бы ходить с нами.

– Маме? Ты шутишь.

– Если бы! Когда подойдет время отлета, я буду вынужден остаться, потому что она не полетит.

– А ты будешь рад. Не обманывай себя, пап. До этого еще далеко. И уж тогда ты правда будешь староват. Это дело для молодежи.

– Знаешь, – сказал Бейли, сжимая руки в кулаки, – до чего же ты и твоя «молодежь» мудры. Ты когда-нибудь покидал Землю? Кто-нибудь из них покидал Землю? А я – да. Два года назад. Еще до этой акклиматизации. И я выжил!

– Знаю, пап. Но улета́л ты ненадолго. В служебную командировку. И тебе создавали все необходимые условия в высокоорганизованном обществе, Совсем иное дело.

– Нет, не иное! – упрямо возразил Бейли, в глубине души признавая, что очень даже иное. – Да и отлета ждать придется не так уж долго. Если я получу разрешение побывать на Авроре, дело пойдет быстро.

– Забудь. Ничего не выйдет.

– Но попробовать мы должны. Без одобрения Авроры правительство разрешения нам не даст. Аврора – самый большой и влиятельный из космомиров. И что она скажет...

– То и будет. Знаю. Мы же тысячу раз все обсуждали. Но зачем тебе лететь туда? Есть же гиперсвязь. Можешь поговорить с ними прямо с Земли... Ну сколько раз тебе повторять!

– Это совсем другое. Необходим личный контакт. Ну

сколько раз тебе повторять!

– В любом случае мы еще не готовы, – заявил Бен.

– Не готовы, потому что Земля не дает нам корабли. А космонавты дадут и окажут необходимую техническую помощь.

– Какое доверие! А зачем это им? Давно ли они так полюбили нас, недолговечных землян?

– Если бы я мог поговорить с ними...

– Ну послушай, пап! – Бен засмеялся. – На Аврору тебя тянет просто из-за этой женщины.

Бейли нахмурился. Его мохнатые брови сошлись над глубоко посаженными глазами.

– Женщины? Иосафат! Бен, о чем ты говоришь?

– Пап! Строго между нами – и маме ни слова, – что у тебя все-таки было с этой женщиной на Солярии? Я уже взрослый, и ты можешь мне рассказать.

– Какая еще женщина на Солярии?

– И ты способен смотреть мне прямо в глаза и делать вид, будто не знаешь какая, когда вся Земля видела ее в гиперволновой драме. Глэдия Дельмар, вот какая!

– Так ничего же не было. Гиперволновое вранье. Тысячу раз тебе повторял! У нее даже в мыслях не было. И у меня не было. Сплошная выдумка, и я протестовал против демонстрации волновки, но правительство решило, что необходимо показать космонавтам Землю в выгодном свете. Только попробуй внушить матери, будто это не так!

– Да с какой стати! Но эта Глэдия переселилась на Аврору, а ты туда так и рвешься!

– Ты что – искренне считаешь, что я хочу побывать на Авроре из-за... А, Иосафат!

Сын с недоумением посмотрел на него:

– Что с тобой?

– Видишь работа? Это Р. Джеронимо.

– И что?

– Рассыльный из нашего департамента. И он – во Вне. У меня свободный день, и я нарочно оставил свой волновик дома, чтобы до меня нельзя было добраться. Привилегия эс-семь. А они посылают за мной работа!

– Откуда ты знаешь, что за тобой?

– С помощью тончайшей дедукции. Во-первых, из полицейского департамента здесь только я, а во-вторых, эта жалкая жестянка движется прямо ко мне. Из этого я делаю вывод, что ее отправили за мной. Надо, бы зайти за ствол и зайти там.

– Пап, это же не стена! Робот обойдет дерево, и все...

И тут робот объявил:

– Господин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас ждут в управлении.

– Я услышал и понял, – монотонно ответил Бейли. Иначе робот продолжал бы твердить одно и то же.

Слегка нахмуясь, Бейли изучающе посмотрел на робота. Новейшая модель, несколько более очеловеченная в сравне-

нии с прежними. Его собрали и активизировали всего месяц назад. Не без шумихи. Правительство постоянно что-то придумывало (что ни попало!), лишь бы смягчить враждебное отношение к роботам. Оболочка сероватая, тусклая и словно бы упругая (на манер кожи). Выражение, хотя почти не менялось, не производило такого впечатления идиотизма, как обычно, хотя в умственном отношении он был таким же идиотом, как все остальные.

Тут Бейли вспомнился Р. Дэниел Оливо – косморобот, дважды помогавший ему в расследовании – на Земле и на Солярии. В последний раз они виделись, когда Дэниел обратился к нему за помощью в деле, которое они называли «Зеркальным отражением», Дэниел был настолько очеловеченным роботом, что Бейли воспринимал его как друга и скучал без него. Вот и сейчас... Эх, будь все роботы такими!

– Бой, – сказал он, – сегодня я свободен и мне не надо идти в управление.

Р. Джеронимо застыл. По рукам у него пробежала легкая вибрация. Бейли заметил ее. Она указывала на помехи в позитронных связях робота. Всякий робот неукоснительно повиновался человеку, но нередко два человека требовали прямо противоположного. Затем робот сделал выбор и сказал:

– Сегодня вы свободны, господин. Вас ждут в управлении.

– Если тебя ждут, пап... – с тревогой сказал Бен. Бейли пожал плечами:

– Не позволяй надуть себя, Бен. Будь я им действительно-

но нужен, они бы прислали закрытую машину с добровольцем-человеком, а не отправили пешего робота с сообщением, чтобы разозлить меня.

– Нет, пап! – Бен покачал головой. – Они же не знали, где ты и сколько понадобится времени, чтобы тебя отыскать. По-моему, при такой неопределенности посылать человека никто не станет.

– Да? Ну так посмотрим, насколько силен приказ. Р. Джеронимо! Возвращайся в управление и скажи, что я явлюсь на службу в девять ноль-ноль. – Он добавил резким тоном: – Возвращайся! Это приказ.

Робот заметно заколебался, повернулся, сделал несколько шагов, снова повернулся, шагнул к Бейли и замер на месте, весь вибрируя.

Бейли хорошо знал эти признаки и шепнул Бену:

– Иосафат! Надо идти.

Робот испытывал то, что роботсихологи называли равнодействующим противоречием второго уровня. Повиновение было Вторым Законом, и Р. Джеронимо в этот момент из-за столкновения примерно равных по силе, но совершенно противоположных приказов находился в состоянии шока. В просторечии это называлось «заблокировать робота» или еще проще – «роблок».

Робот медленно повернулся. Первый приказ был все-таки сильнее, но не намного, а потому он запинался.

– Господин, меня проинструктировали, что вы можете

сказать так. И тогда я должен сказать... – Он помолчал и добавил уже совсем хрипло: – Я должен сказать, если вы один...

Бейли кивнул сыну, и Бен не стал ждать второго напоминовения. Он прекрасно умел различать, когда его отец был «пап», а когда – полицейский, и быстро ретировался.

Бейли сердито поиграл с мыслью, не усилить ли собственный приказ, довершая роблок. Но результатом наверняка было бы какое-нибудь повреждение, которое потребовало бы позитронного анализа и репрограммирования. А их стоимость удержат из его жалованья. Возможно, в годовом размере. И он сказал:

– Я отменяю мой приказ. Что тебе велено сообщить?

Голос Р. Джеронимо мгновенно обрел звучность.

– Меня проинструктировали сообщить, что вы нужны в связи с Авророй.

Бейли обернулся и крикнул Бену:

– Пусть поработают еще полчаса, а потом передай от меня, чтобы возвращались. Я ухожу.

Широким шагом пересекая поле, Бейли ворчал на робота:

– Почему тебе не приказали начать сразу с этого? И почему тебя не запрограммировали водить машину, чтобы я не плелся пешком?

Он прекрасно знал почему. С роботом за рулем самое незначительное происшествие вызвало бы новые беспорядки под лозунгом «долой роботов!»

Он не сбавлял шага. До городской стены – два километра, а там до управления придется добираться по улицам, забитым машинами.

Аврора? Какой еще новый кризис назревает?

2

До входа в Город Бейли добрался через полчаса и весь напрягся, готовясь к тому, что могло его ожидать. Вдруг... вдруг на этот раз все будет в порядке?

Он подошел к границе между Вне и Городом. К стене, разделявшей хаос и цивилизацию. Прижал ладонь к сигнальной панели, и дверь поползла в сторону. Как всегда, он не стал ждать, а проскользнул внутрь, чуть только это оказалось возможным. Р. Джеронимо последовал за ним.

Полицейский на посту посмотрел на них с некоторой растерянностью, как бывало всегда, когда кто-то входил из Вне. Всякий раз то же изумление в глазах, настороженная поза, рука, внезапно опускающаяся на бластер, недоуменно сдвинутые брови.

Бейли угрюмо предъявил удостоверение личности, и полицейский отдал ему честь. Дверь закрылась – и это произошло.

Бейли был в Городе. Вокруг сомкнулись стены, и Город воплотил в себе Вселенную. Бейли вновь погрузился в вечный нескончаемый гул, в запахи машин и людей, – с тем чтобы вскоре перестать замечать их. Погрузился в мягкий отраженный свет, ничуть не похожий на тени и непрерывно меняющуюся яркость во Вне, на зеленые, бурые, голубые и белые цвета с красными и желтыми вкраплениями. Вместо ка-

призного ветра, жары, холода, угрозы дождя – вкрадчивая перманентность незаметных воздушных потоков, поддерживающих постоянную свежесть. Только тщательно вычисленное соотношение температуры и влажности, настолько идеальное для человеческого организма, что оно не ощущалось.

Бейли с трепетом сделал глубокий вздох, и его охватила радость от сознания, что он дома, в безопасности, где все знакомо и познаваемо.

Так случалось всегда. Вновь он воспринял Город как материнскую утробу и вернулся в нее со сладким облегчением. Но он же верит, что заключенное в этой утробе человечество должно вырваться наружу, должно родиться, так почему же он всегда вновь вот так в нее погружается?

И ничего нельзя изменить? Неужели, пусть он даже покинет Город, увезет бесчисленное количество людей туда – к звездам, ему самому не вырваться? Неужели он всегда будет чувствовать себя дома только в Городе?

Бейли стиснул зубы. Что толку думать об этом? Он сказал роботу:

– Бой, до этого места тебя доставили на машине?

– Да, господин.

– Где она?

– Не знаю, господин.

– Офицер! – Бейли обернулся к полицейскому. – Этот робот был доставлен сюда два часа назад. Где Доставившая его машина?

– Сэр, я заступил на дежурство час назад.

Конечно. Глупо было спрашивать. Водитель машины не знал, сколько времени робот будет его разыскивать, и ждать не стал. Бейли прикинул, не вызвать ли машину, но отказался от этой мысли сразу же. Ему просто порекомендуют воспользоваться экспрессуэем. Так быстрее.

Да и колебался он, собственно, только из-за Р. Джерони-мо. Ехать в его сопровождении экспрессуэем не хотелось, но позволить роботу добираться в управление одному среди враждебных толп он не мог.

И никакого выбора у него нет. Комиссар, несомненно, не жаждет его обласкать. И, конечно, зол, что он не оказался под рукой, будь у него хоть трижды свободный день.

– Сюда, бой! – сказал Бейли.

Город занимал пять тысяч квадратных километров, и нужды его двадцати с лишним миллионов жителей обслуживались четырьмястами километрами экспрессуэя и сотнями километров фидеруэя. Сложная сеть движущихся полос размещалась на восьми уровнях – с сотнями переходов разной степени сложности. По службе Бейли был обязан знать их все – и знал. Если бы его с завязанными глазами отвезли в любую точку Города и сняли повязку, он мгновенно бы определил кратчайший путь до любого указанного места.

И, естественно, он знал дорогу в управление. Однако надо было выбрать из восьми равно удобных маршрутов, и он заколебался, прикидывая, какой в это время суток малолюд-

нее остальных.

Секунду спустя он принял решение и скомандовал:

– Иди со мной, бой!

Робот послушно последовал за ним.

Они прыгнули в проходивший мимо фидер, и Бейли ухватился за вертикальную стойку – белую, теплую, в меру шероховатую, чтобы удобнее было держаться. Садиться не имело смысла; скоро предстояла пересадка. Он быстро кивнул роботу, и тот только тогда положил руку на ту же стойку. Конечно, он легко удерживал бы равновесие и без нее, но Бейли предпочитал держать его поближе к себе. Он отвечал за робота, и ему совсем не улыбалось возмещать убытки Городу, если бы Р. Джеронимо потерялся и получил повреждения.

Все немногочисленные пассажиры фидера, как и следовало ожидать, с любопытством уставились на работа. Бейли по очереди перехватывал эти взгляды. Держался он с властностью официального лица, и те, на кого он смотрел, смущенно отводили глаза.

Бейли снова кивнул и, чуть они поровнялись с движущимися полосами, прыгнул на ближайшую, двигавшуюся с той же скоростью, что и фидер. Едва Бейли ступил на полосу, где не было пластикового экрана, как ему в лицо ударила воздушная струя. Он привычно наклонился ей навстречу, загроживая глаза приподнятой рукой, и побежал наискось вперед с одной полосы на другую, пока не добрался до экспрессуэя.

Раздался веселый крик подростка – «робот!» – и Бейли (он и сам когда-то был подростком) точно пред; ставил себе, что сейчас произойдет: двое-трое, если не целая компания, набегут сзади – или спереди, – робот каким-то способом будет опрокинут и с лязгом ударится о полосу. Если же виновник будет схвачен и предстанет перед администратором, то заявит, что робот столкнулся с ним и создал опасную обстановку, после чего мальчишку почти наверняка отпустят. А у робота нет права ни защищаться на полосе, ни давать показания в административном суде.

Бейли быстро шагнул вперед, успел загородить робота от подбегающего подростка, затем переступил, на более быструю полосу, подняв руку повыше, точно из-за усиления воздушной струи, и как бы ненароком задел локтем мальчишку, столкнув его на более медленную полосу. Тот не был к этому готов и, вскрикнув «ой!», растянулся на ней. Остальные встали как вкопанные, оценили ситуацию и поспешили исчезнуть.

– На экспрессуэй, бой! – приказал Бейли.

Робот чуть замялся. Роботам разрешалось пользоваться экспрессуэем, только если они сопровождали человека, но приказ был категоричным, и он прыгнул. Бейли прыгнул следом за ним, после чего напряжение робота снизилось.

Бейли, толкая Р. Джеронимо перед собой, решительно прошел сквозь толпу стоящих пассажиров и поднялся на верхний, менее забитый уровень, а там ухватился за стой-

ку, наступил роботу на ногу и опять заставил зевак опустить глаза.

Через пятнадцать километров они приблизились к управлению на максимально короткое расстояние, и Бейли сошел. Р. Джеронимо последовал за ним. Его так никто и не тронул. Ни единой стычки за всю дорогу. В приемной Бейли сдал его и получил квитанцию, которую убрал в бумажник, только тщательно проверив дату, час и серийный номер робота, Не забыть попозже справиться, зарегистрирована ли квитанция компьютером.

Теперь предстояло явиться пред очи комиссара, а его Бейли знал как свои пять пальцев. Стоит ему допустить малейшую оплошность, и он окажется под угрозой понижения в должности. Характер у комиссара был жесткий, а прежние успехи Бейли он воспринимал как личное оскорбление.

3

Звали комиссара Уилсон Роф, и пост этот он занимал два с половиной года, сменив Джулиуса Эндерби, когда тот ушел на покой, тихо подав в отставку, едва улегся шум из-за убийства космонита.

Бейли никак не удавалось приспособиться к этой перемене. Джулиус при всех его недостатках был не просто начальником, но и другом, Роф же оставался только начальником. И он даже не был уроженцем Города. Его перевели откуда-то из другой системы.

Роф был не очень высок и не очень толст. Но его голова выглядела несоразмерно большой, а шея – чуть выдвинутой вперед. В результате он производил впечатление тяжести – тяжелая голова, словно набрякшие от тяжести веки, всегда полузакрывавшие глаза. Из-за этого он казался сонным, что не мешало ему подмечать каждую мелочь, в чем Бейли не замедлял убедиться, едва Роф пришел в управление. Он не строил иллюзий, что Роф испытывает к нему хоть какую-то симпатию, и в любом случае сам к нему ни малейшей симпатии не питал.

В голосе Рофа, всегда ровном, не проскользнуло ни единой раздраженной ноты, но слова были далеко не теплыми. – Бейли, почему вас так трудно разыскать? – начал он. Бейли ответил с надлежащей долей почтительности:

– У меня свободный день, комиссар.

– Ах да! Ваша привилегия эс-семь. Но вы знаете, что такое волновик, не так ли? Прибор для трансляции официальных распоряжений? Даже в ваше свободное время вы обязаны являться по вызову.

– Мне это известно, комиссар, но пункт об обязательном ношении волновика из инструкций исключен. С нами можно связаться и без него.

– В пределах Города. Но вы же были во Вне? Или я ошибаюсь?

– Вы не ошибаетесь, комиссар. Я был во Вне. Но в инструкциях не указано, что в таких случаях я обязан брать с собой волновик.

– Прячетесь за буквой закона, а?

– Совершенно верно, комиссар, – невозмутимо ответил Бейли.

Комиссар встал – властный, даже грозный – и сел на край стола. Окно во Вне, пробитое при Эндерби, было давно заложено и покрашено. И в замкнутой комнате (ставшей благодаря этому теплее и уютнее) комиссар выглядел огромным. Он сказал, не повышая голоса:

– По-моему, Бейли, вы слишком уж рассчитываете на благодарность Земли.

– Я рассчитываю на то, что исполняю свои обязанности как могу лучше и точно соблюдаю инструкции.

– А когда вольничаете с духом этих инструкций, – то и на

благодарность Земли.

Бейли промолчал, и комиссар сказал после паузы:

– Кое-кто считает, что вы отличились в деле об убийстве Сартона три года назад.

– Благодарю вас, комиссар, – ответил Бейли. – И, если не ошибаюсь, результатом было закрытие Космотауна.

– Совершенно верно. И к большому облегчению Земли. Кое-кто считает также, что вы отличились на Солярии два года назад. И результатом – я избавляю вас от необходимости произносить лишние слова, – и результатом был пересмотр торговых договоров с космомирами к значительной выгоде Земли.

– Насколько мне известно, все это есть в соответствующих архивных документах.

– А в результате вы – великий герой.

– Ни на что подобное я не претендую.

– После каждого из этих двух дел вы получали повышение, а происшествие на Солярии даже послужило сюжетом для гиперволновой драмы.

– Которую, комиссар, показали без моего разрешения и против моего желания.

– Тем не менее она превратила вас в героя определенного рода.

Бейли пожал плечами.

Комиссар выждал секунду-другую, не скажет ли он что-нибудь, а затем продолжал:

– Но вот уже почти два года вы практически ничего не делаете.

– И у Земли есть право спросить, чем я был ей полезен последнее время.

– Вот именно. И она задает этот вопрос. Известно, что вы – один из зачинателей новейшей моды уходить во Вне, копаться в почве и разыгрывать из себя роботов.

– Это разрешено.

– Не все, что разрешено, следует одобрять. Не исключено, что люди считают вас не героем, а больше чудачком.

– Возможно, это согласуется с моим собственным мнением о себе, – сказал Бейли.

– Людская память коротка. Это избитая истина. В вашем случае героическое уже заслонено чудачествами, и вас ждут серьезные неприятности, если вы допустите ошибку. Репутация, на которую вы так уповаете...

– Со всем уважением, комиссар, я на нее не уповаю.

– Репутация, на которую, по мнению департамента полиции, вы уповаете, вас не спасет. И я не смогу вас спасти.

По сумрачному лицу Бейли скользнула тень улыбки.

– Я ни в коем случае не желаю, комиссар, чтобы вы поставили под угрозу свое положение в тщетной попытке спасти меня.

Комиссар пожал плечами и ответил столь же мимолетной и смутной улыбкой.

– Это вас пусть не тревожит.

– Если так, комиссар, то для чего вы мне все это говорите?

– Предостерегаю вас. Я вовсе не собираюсь с вами раздельваться, а потому предупреждаю в первый и последний раз. Вам предстоит участвовать в крайне щекотливом деле, и вы легко можете допустить ошибку. Вот я и предупреждаю вас, чтобы вы ее не допускали. – Тут на его губах появилась несомненная улыбка.

Бейли на нее не ответил.

– Вы не могли бы объяснить мне, в чем заключается это весьма щекотливое дело?

– Это мне неизвестно.

– Оно связано с Авророй?

– Р. Джеронимо приказали в случае необходимости сказать вам это, но сам я ничего не знаю.

– В каком случае почему вы считаете его щекотливым?

– Послушайте, Бейли, разгадывать загадки – ваша специальность. Для чего бы представитель Земного департамента юстиции лично прибыл в наш Город, а не вызвал вас в Вашингтон, как два года назад в связи с инцидентом на Солярии? И почему этот представитель хмурится, раздражается и проявляет все прочие признаки нетерпения, когда вас не удается разыскать немедленно? Вы постарались, чтобы вас было трудно найти, серьезная ошибка, за которую я никакой ответственности не несу. Сама по себе она, возможно, и не роковая, но, сдастся мне, начинаете вы скверно.

– А вы задерживаете меня еще дольше, – хмуро буркнул

Бейли.

– Отнюдь, Представитель департамента сейчас подкрепляется. Вы знаете, что земляне никогда не упускают случая перекусить. И он сам придет сюда, когда кончит. Ему сообщено, что вы здесь, и в данное время вы просто ждете, как жду я.

И Бейли начал ждать, размышляя о том, что снятая против его воли гиперволновая драма, хотя и помогла Земле укрепить позиции, ему в департаменте полиции причинила непоправимый вред. Она выставила его в объемной проекции на плоском фоне департамента, чем наложила на него неизгладимую печать нежелательности.

Его повысили в чине, дали ему больше привилегий, что только усугубило враждебное отношение к нему в департаменте. А чем выше он поднялся, тем сильнее расшибется, если упадет.

Стоит допустить ошибку...

Вошел представитель департамента юстиции, небрежно осмотрелся и сел за письменный стол в кресло Рофа. По старшинству в чине. Роф невозмутимо сел сбоку.

Бейли остался стоять, пытаясь скрыть изумление.

Роф мог бы его предупредить, но не счел нужным. И так подбирал слова, что Бейли не догадался.

Департамент юстиции представляла дама.

Но, собственно, почему бы и нет? Женщины могли занимать любые административные посты. Генеральный секретарь мог быть женщиной. Женщины служили в полиции – одна в чине капитана.

Просто без специального предупреждения мужчина под-разумевался сам собой. В истории бывали периоды, когда женщин на высоких административных постах оказывалось чуть ли не большинство. Бейли знал это – он вообще хорошо знал историю. Только нынешний период таким не был.

Представительница выглядела очень высокой и сидела в кресле, чопорно выпрямившись. Ее форменный костюм мало отличался от мужского – как и прическа, как и косметика. Ее пол выдавал бюст – две выпуклости, которые она не маскировала.

Лет около сорока, правильные медальные черты лица, зрелая привлекательность, ни проблеска седины в темных во-

лосах.

Она сказала:

– Вы детектив Элайдж Бейли, ранг эс-семь.

Это было утверждение, а не вопрос. Тем не менее Бейли ответил:

– Да, мэм.

– Я младший секретарь Лавиния Демачек. Вы выглядите совершенно не так, как в гиперволновой драме, вам посвященной.

Бейли слышал это далеко не в первый раз.

– Если бы они показали меня таким, какой я на самом деле, то отпугнули бы зрителей, – сухо сказал он.

– Не думаю. У вас куда более волевой вид, чем у актера с детской мордашкой, которого выбрали на вашу роль.

Бейли чуть поколебался и решил рискнуть. А вернее, просто не устоял перед искушением. Он произнес с глубокой серьезностью:

– У вас утонченный вкус, мэм.

Она засмеялась, и Бейли незаметно с облегчением перевел дух.

– Мне лестно это слышать. Но почему вы заставили себя ждать?

Меня не предупредили, мэм. А у меня был свободный день.

– А свои свободные дни, насколько я поняла, вы проводите во Вне?

– Да, мэм.

– Один из этих чокнутых, как я выразилась бы, не будь мой вкус столь утонченным. А потому я скажу иначе: так вы один из этих энтузиастов?

– Да, мэм.

– Надеетесь со временем эмигрировать и осваивать новые миры в глуши Галактики?

– Возможно, не сам я, мэм. Неизвестно, позволит ли мой возраст...

– Сколько вам лет?

– Сорок пять, мэм.

– Вы так и выглядите. Кстати, мне тоже сорок пять.

– Но вы так не выглядите.

– А как? Моложе или старше? – Она опять засмеялась. – Впрочем, довольно играть словами. В любом случае, по-вашему, я слишком стара, чтобы стать первопроходцем?

– В нашем, обществе никто не может стать первопроходцем, не пройдя подготовки во Вне. Молодым она дается легче. Мой сын, я надеюсь, когда-нибудь ступит на поверхность нового мира.

– Вот как! Но, естественно, вам известно, что Галактика принадлежит космическим мирам?

– Их всего пятьдесят, мэм. А в Галактике есть миллионы планет, пригодных для человеческого обитания, где разумная жизнь не развилась. Миллионы, которые можно сделать пригодными.

– Да, но ни один корабль не покинет Землю без разрешения космонитов.

– Разрешения можно добиться, мэм.

– Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

– Мне доводилось говорить с космонитами, которые...

– Я знаю, – перебила Лавиния Демачек. – Мой начальник, Альберт Минним, два года назад командировал вас на Солярию. – Ее губы чуть-чуть скривились в улыбке. – В гиперволнодраме его коротенькую роль сыграл актер, очень на него похожий, насколько помнится. И, насколько помнится, он был не слишком доволен.

Бейли воспользовался случаем переменить тему:

– Я просил помощника секретаря Миннима...

– Он получил повышение, вы знаете?

Бейли знал всю важность чинов в иерархии.

– И его новое звание, мэм?

– Вице-секретарь.

– Благодарю вас. Я просил вице-секретаря Миннима получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с этим вопросом.

– Когда?

– Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял эту просьбу.

– Но положительного ответа не получили?

– Нет, мэм.

– И вы удивлены?

– Разочарован, мэм.

– Напрасно! – Она чуть-чуть откинулась в кресле. – Наши отношения с космическими мирами очень щекотливы. Возможно, вам кажется, что ваши два расследования несколько снизили напряжение. Так оно и есть. Эта жуткая гиперволнодрама тоже оказала благотворное действие. Но в целом трения уменьшились вот настолько (она сблизила большой и указательный пальцы так, что между ними осталась узенькая щелочка), при вот таком размахе. – И она развела ладони как могла шире.

– В таких обстоятельствах, – продолжала она, – было бы слишком рискованно отпустить вас на Аврору, где те или иные ваши действия могли бы вызвать межзвездный конфликт.

Бейли посмотрел ей прямо в глаза.

– Я был на Солярии, и никаких конфликтов не возникло. Наоборот...

– Знаю. Но вас командировали туда по просьбе космонавтов. Просьба же с нашей стороны – это на сто парсеков другое дело, как вы отлично понимаете.

Бейли промолчал. Она неопределенно хмыкнула и продолжала:

– С тех пор как вы подали свои просьбы, а вице-секретарь их проигнорировал (с полным на то основанием), ситуация заметно ухудшилась. Особенно за последний месяц.

– Поэтому мы здесь, мэм?

– Вы теряете терпение, сэр? – иронически произнесла она тоном, каким обращаются к начальству. – И требуете, чтобы я сразу перешла к сути?

– Нет, мэм.

– Требуете, требуете, И что такого? Я излишне многословна. Хорошо, начнем с вопроса. Вам известен доктор Хэн Фастольф?

– Я видел его один раз почти три года назад в тогдашнем Космотауне.

– Если не ошибаюсь, он вам понравился?

– Он держался очень дружелюбно. То есть для космонита.

– Еще бы! – Она снова хмыкнула. – Вам известно, что последние два года он пользовался на Авроре большим политическим влиянием?

– Я слышал, что он вошел в правительство, от... от одного моего бывшего партнера.

– От Р. Дэниела Оливо, косморобота, вашего приятеля?

– Моего бывшего партнера, мэм.

– Когда вы разбирались с маленьким недоразумением между двумя математиками на борту космолета?

Бейли кивнул:

– Да, мэм.

– Как видите, мы следим за событиями. Доктор Хэн Фастольф последние два года был, так сказать, путеводной звездой аврорианского правительства, влиятельнейшей фигурой в законодательном собрании их мира, и его даже про-

чат в будущее председатели. Председатель в аврорианском обществе, как вы знаете, – это почти аналог главного администратора.

– Да, мэм. – Бейли кивнул, спрашивая себя, когда же она наконец перейдет к крайне щекотливому делу, о котором говорил комиссар.

Но Лавиния Демачек словно не торопилась.

– Фастольф, – продолжала она, – принадлежит к... э... умеренным. Так он себя называет. Он считает, что Аврора – и вообще космомиры – ушли по своему пути слишком уж далеко. Как, возможно, считаете вы, что мы здесь на Земле слишком уж далеко ушли по нашему пути. Он хотел бы снизить степень роботизации, вернуться к союзу и дружбе с Землей. Естественно, мы его поддерживаем... но втихомолку. Если мы выразим свое отношение открыто, для него это может обернуться смертным приговором.

– По-моему, – сказал Бейли, – он поддержит намерение Земли исследовать и заселять новые миры.

– Я тоже так полагаю. И, по-моему, он вам говорил об этом прямо.

– Да, мэм. В ту нашу встречу.

Лавиния Демачек сложила ладони и уперлась подбородком в кончики пальцев.

– Как вам кажется, он выражает общее мнение космомиров?

– Не знаю, мэм.

– Боюсь, что нет. Его сторонники не слишком рвутся в бой, а против него – легионы бешеных фанатиков. Только политическая искушенность и личное обаяние позволяют ему сохранять его нынешнее политическое положение. Наиболее уязвим он, естественно, в своих симпатиях к Земле. Из-за них он все время подвергается нападкам, и они отталкивают многих, кто был бы готов следовать за ним во всем остальном. Если бы вас отпустили на Аврору, малейший ваш промах лил бы воду на мельницу противников Земли и, следовательно, ослаблял бы положение доктора Фастольфа. Быть может, непоправимо. Земля просто не имеет права пойти на подобный риск.

– Понимаю, – пробормотал Бейли.

– Сам Фастольф готов рисковать. Именно он устроил вашу командировку на Солярию, когда еще только приобретал политическое влияние и его положение было очень непрочным. С другой стороны, он может потерять только свое положение, мы же обязаны обеспечивать благополучие восьми с лишним миллиардов землян. Именно поэтому нынешняя политическая ситуация до предела щекотлива.

Она замолчала, и в конце концов Бейли был вынужден спросить:

– В чем, собственно, заключается ситуация, мэм?

– Видимо, – ответила Лавиния Демачек, – Фастольф втянут в очень серьезный, просто беспрецедентный скандал. Если у него не останется ловкости, то почти наверное его ждет

политическая гибель в самое ближайшее время. Если же он сверхъестественно умен, то продержится еще несколько месяцев. Но рано или поздно он перестанет быть политической силой на Авроре, а это, как вы легко поймете, для Земли будет подлинной катастрофой.

– Могу ли я спросить, в чем его обвиняют? В коррупции? В государственной измене?

– По сравнению, это все мелочи. Да и его личную честность не подвергают сомнению даже заклятые враги.

– Преступление по страсти? Убийство?

– Своего рода убийство.

– Не понимаю, мэ.

– На Авроре, мистер Бейли, живут люди. А еще на ней есть роботы. В большинстве они на манер наших узко специализированы. Но есть еще горстка человекоподобных роботов. Настолько подобных, что их легко принять за людей.

– Это я знаю по опыту. – Бейли кивнул.

– Так вот, уничтожение человекоподобного робота, на мой взгляд, нельзя назвать убийством в строгом смысле слова.

Бейли шагнул к ней. Глаза у него широко раскрылись. Он почти закричал:

– Иосафат! Хватит играть, женщина! Доктор Фастольф убил Р. Дэниела. Вы это хотите мне сообщить?

Роф вскочил и двинулся к Бейли, но Лавиния Демачек остановила его небрежным жестом. Она сохранила полную

невозмутимость.

– Учитывая обстоятельства, я извиняю вашу выходку, Бейли, – сказала она. – Нет, Р. Дэниел убит не был. На Авроре он не единственный человекоподобный робот. Убит был один из них, но не Р. Дэниел – то есть если термин «убит» тут применим. Точнее говоря, его мозг был парализован. Полностью и необратимо.

– И утверждают, будто это сделал доктор Фастольф?

– Да, его враги утверждают именно это. Экстремисты, считающие, что Галактику должны осваивать только космониты, а землянам следует вообще исчезнуть с лица Вселенной, как говорится. Если они сумеют добиться перевыборов в ближайшие недели, то приобретут в правительстве преобладающее влияние с непредсказуемыми последствиями.

– Не понимаю, каким образом роблок мог приобрести такую политическую важность.

– Точно сказать не могу, – ответила Лавиния Демачек. – В политике Авроры я не очень разбираюсь. Видимо, экстремисты в своих планах отводили человекоподобным роботам какую-то существенную роль, и этот роблок привел их в ярость. – Она наморщила нос. – Их политика ставит меня в тупик, и я только запутаю вас, если начну подыскивать объяснения.

Бейли сделал огромное усилие, чтобы не потерять самообладания под ее въедливым взглядом, и спросил негромко:

– Для чего я здесь?

– Из-за Фастольфа. Вы уже один раз покидали Землю, чтобы расследовать убийство. С успехом. Фастольф хочет, чтобы вы попытались сделать то же теперь. Вы отправляетесь на Аврору установить, кто виновен в роблоке. Он считает, что это единственный шанс остановить экстремистов.

– Но я не роб о психолог и ничего не знаю об Авроре...

– О Солярии вы тоже ничего не знали, но успеха добились. А главное, Бейли, мы не меньше доктора Фастольфа заинтересованы в установлении истины. Мы не хотим, чтобы он исчез с политической арены. Иначе космоэкстремисты окружают Землю такой стеной враждебности, какой мы и представить себе не можем. Этого допустить нельзя.

– Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Подобная задача...

– Практически невыполнима. Да, мы это знаем. Но у нас нет выбора. Доктор Фастольф настаивает, а за ним пока еще стоит правительство Авроры. Если вы откажетесь или мы вас не пустим, нам придется испытать всю силу их ярости. Если вы отправитесь туда и преуспеете, мы будем спасены, и вы получите двойное вознаграждение.

– А если я отправлюсь... и потерплю неудачу?

– Мы сделаем все, чтобы вина за нее была возложена на вас лично, а не на Землю.

– Иными словами, администрация спасает свою шкуру.

– Красивей было бы сформулировать, – заметила Лавиния Демачек, – что вас бросают на съедение волкам ради жиз-

ненно важных интересов Земли. Один человек – не такая уж большая цена за благополучие планеты.

– Раз меня ожидает верная неудача, так зачем мне вообще туда лететь?

– Пустые слова, – спокойно сказала Лавиния Демачек. – Вас требует Аврора, и вы не можете отказать ей. Да и с какой стати? Вы два года добиваетесь возможности побывать на Авроре и возмущаетесь, что вам не дают разрешения.

– Я хотел побывать там с мирной миссией. Заручиться помощью для освоения новых миров, а не...

– Но что мешает вам попросить у них помощи для осуществления вашей мечты, Бейли, пока вы будете заниматься расследованием? А если вы сумеете установить истину? Ведь это все-таки не исключается. Фастольф будет вам чрезвычайно обязан и, конечно, сделает для вас куда больше, чем в любом другом случае. И мы тоже будем благодарны вам настолько, чтобы со своей стороны оказать вам содействие. Ради всего этого разве не стоит пойти на риск, пусть и значительный? Даже если ваши шансы на успех малы, они будут равны нулю, останься вы на Земле. Подумайте, Бейли. Только, пожалуйста, не очень долго.

Бейли крепко сжал губы, но он знал, что выбора у него нет, и сказал:

– Сколько времени вы мне даете на...

Лавиния Демачек тут же его перебила:

– Послушайте! Я же объяснила, что альтернативы у нас

нет. И времени тоже нет. Вы улетаете... – Она взглянула на охватывавший ее запястье часовой браслет. – Почти через шесть часов.

Космодром находился на восточной окраине Города в практически безлюдном секторе, который в сущности был почти Вне. Отчасти это компенсировалось тем, что кассы и залы ожидания были расположены в пределах Города, а к космолету пассажиров доставляли в машине по коридору без окон. Традиционно взлеты производились по ночам, так что полог мрака дополнительно смягчал воздействие Вне.

Космопорт, учитывая населенность Земли, казался довольно тихим. Земляне редко покидали свою планету, а грузовые рейсы обслуживались главным образом космонавтами и роботами.

В ожидании посадки Элайдж Бейли ощущал себя уже отрезанным от Земли.

Рядом с ним сидел Бен. Оба мрачно молчали. Наконец Бен сказал:

- Я так и думал, что мама не захочет тебя проводить.
- Естественно, – Бейли кивнул. – Когда я улетал на Солярию, она расстраивалась не меньше. Никакой разницы.
- Но ты сумел ее успокоить?
- Постарался, насколько мог, Бен. Она убеждена, что космолет погибнет со мной на борту. А если я все-таки доберусь до Авроры, меня обязательно убьют космонавты.
- Так ты же вернулся с Солярии!

– Потому-то она вдвойне боится потерять меня. Боится, что вторично удача мне не улыбнется. Ну да ничего, она справится. Но ты ей помоги, Бен. Проводи с ней больше времени и ни в коем случае не упоминай, что подумываешь эмигрировать на какую-нибудь новую планету. Ведь на самом деле именно это ее и угнетает. Она чувствует, что через год-другой расстанется с тобой навсегда. Ей известно, что полететь с тобой она не сможет и, значит, больше тебя никогда не увидит.

– Ведь скорее всего так и будет, – заметил Бен.

– Ты-то примиришься с этим легко, а каково ей? Ну и помалкивай, пока я не вернусь, хорошо?

– Хорошо. Только, по-моему, расстраивается она еще и из-за Глэдии.

Бейли резко вскинул голову:

– С какой стати ты...

– Я ей ни слова не говорил. Но ведь она тоже видела эту гиперволновку и знает, что Глэдия теперь живет на Авроре.

– Ну и что? Аврора – большая планета. По-твоему, Глэдия Дельмар примчится в космопорт встречать меня? Иосафат! Бен, неужели твоя мать не понимает, что эта гиперволновка на девять десятых чистейшая машинная смазка, нашпигованная выдумками?

Бен с явным усилием сменил тему.

– Как-то странно, что ты сидишь здесь совсем без багажа.

– Не совсем. А моя одежда? Не успею я подняться на борт,

как ее с меня снимут, обработают химикалиями и вышвырнут в космос. Потом снабдят меня новым гардеробом, но прежде окурят, вычистят и отполируют и снаружи, и внутри. Я уже один раз через это проходил!

Они снова помолчали. Затем Бен сказал:

Знаешь, пап... – И вдруг осекся. – Он повторил: – Знаешь, пап... – И опять осекся.

Бейли внимательно посмотрел на сына:

– Бен, что ты мне хочешь сказать?

– Пап, я себя чувствую последним дураком, и все-таки, мне кажется, я не должен молчать. Ты ведь не герой. Даже я никогда тебя таким не считал. Ты отличный человек, замечательный отец, но ты не герой.

Бейли буркнул что-то невнятное.

– И все-таки, – продолжал Бен, – как подумать, так это ты убрал с карты Космотаун, это тебе принадлежит идея подготовки к заселению новых миров. Пап, ты сделал для Земли больше, чем все правительство, вместе взятое. Так почему тебя не ценят по заслугам?

– Именно потому, что я не герой, – ответил Бейли. – И еще потому, что мне насильно посвятили идиотскую гиперволновку. Из-за нее полдепартамента меня ненавидит, она травмировала твою мать, а мне навязала репутацию, поддерживать которую я не в силах... – На его радиобраслете замигала лампочка, и он встал. – Ну, мне пора, Бен.

– Ага. Но я хочу сказать, пап, что страшно тебя уважаю. И

на этот раз, когда ты вернешься, тебя все оценят по-настоящему, а не я один.

Бейли был глубоко тронут. Он торопливо кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

– Спасибо... Береги себя... и маму, пока меня не будет.

Он ушел, не оглянувшись. Бену он объяснил, что летит на Аврору обсудить планы эмиграции. Будь так, он действительно мог бы вернуться с победой. Но...

«Вернусь я с позором, – подумал он. – Если вообще вернусь!»

Глава вторая

Дэниел

6

На космолете Бейли летел уже в третий раз, и прошедшие два года не изгладили из его памяти ни единой подробности. Он досконально знал, что его ожидает.

Полная изоляция – к нему никто не подойдет, не заговорит с ним, за исключением разве что робота. Непрерывная медико-санитарная обработка – окуривание и стерилизация (других подходящих слов он просто не находил). Попытка довести до состояния, приемлемого для ипохондричных космонавтов, которые каждого землянина считают рассадником всяческой инфекции.

Впрочем, ждет его и кое-что новое. Прежнего ужаса перед космосом он теперь не испытает. Конечно же, ощущение, будто он беспощадно выброшен из теплой материнской утробы, не достигнет прежней панической степени.

Нет, он готов к восприятию пространства. И, смело заверил он себя, обязательно настоит на том, чтобы ему показали глубины космоса! (Правда, от этой мысли у него в горле поднялся комок.)

Намного ли это зрелище будет отличаться от фотографий, сделанных из Вне?

Ему припомнилось, как он впервые увидел (в безопасности Города, разумеется) ночной небосвод внутри планетария. Ни малейших неприятных ощущений, никакой иллюзии, будто он очутился во Вне.

А те два... нет, три раза, когда он ночью оказался без крыши над головой и видел подлинные звезды на подлинном небосводе, они ошеломили его даже меньше, чем в планетарии, однако оба раза дул прохладный ветер и возникало ощущение огромных расстояний, вызывавшее в отличие от картин в планетарии знобящий страх, хотя и не такой отчаянный, как днем, – темнота окружала его спасительной стеной.

Будут ли звезды за обзорными иллюминаторами космолета больше напоминать о планетарии или о ночном небе Земли? А может, впечатление окажется совсем иным?

Он сосредоточился на этих мыслях, стараясь забыть, что расстается с Джесси, Беном и Городом.

Из чистой бравады он отказался от машины и короткое расстояние от ворот до космолета прошел пешком в сопровождении присланного за ним робота. В конце концов, идти надо было по закрытой галерее.

Она слегка изгибалась. На повороте он оглянулся на Бена у входа в нее, и небрежно ему помахал, словно отправлялся в Трентон на экспрессуэ. Бен отчаянно замахал в ответ обе-

ими руками, растопыбив пальцы в древнем знаке победы.

«Какая уж там победа!» – угрюмо подумал Бейли.

Чтобы отвлечься, он переключился на другую мысль. Каково было бы идти к космолету днем? Металл слепяще сверкает на солнце, а он и все остальные ощущают себя во Вне.

Каково было бы наглядно представить себе, что вот этот крохотный цилиндрический мирок сейчас отделится вместе с тобой от несравнимо огромного мира, на котором пребывал лишь временно, и затеряется во Вне, безмерно превосходящем все земные Вне, и отыщет среди бесконечного протяжения Пустоты другой...

Бейли мрачно понуждал себя идти ровным шагом и сохранять внешнюю невозмутимость (во всяком случае так ему казалось). Однако шедший рядом робот внезапно остановил его.

– Вам нехорошо, сэр? (Не «господин», а просто «сэр». Робот с Авроры!)

– Нет, бой, – хрипло ответил Бейли. – Идем!

Но он упорно смотрел в пол и поднял глаза, только когда над ним нависла громада космолета.

Аврорианский космолет!

Сомнений быть не могло. В теплых лучах прожекторов он уходил в высоту, изящный, менее массивный, чем солярианские корабли, но исполненный особой мощи.

Бейли вошел внутрь. И там сравнение оказалось в пользу Авроры.

Каюта была заметно просторнее тех, которые он занимал два года назад, роскошнее и комфортабельнее.

Он точно знал, что предстоит, а потому без колебаний снял всю свою одежду. Возможно, ее просто сожгут в плазменной топке, но в любом случае по возвращении на Землю (если он все-таки вернется) ему ее не отдадут. Как и в первый раз.

Новый костюм он получит только после того, как его вымоют, исследуют, накормят медикаментами и обезопасят всякими инъекциями. Но он почти обрадовался этим принудительным унижительным процедурам. Они отвлекали его от происходящего: он практически не заметил стартового ускорения и толком не осознал момента, когда расстался с Землей и погрузился в космос.

Наконец одевшись, Бейли с тоской оглядел себя в зеркале. Материал (неизвестно из чего сделанный) был совершенно гладким, глянцевым и менял цвет при каждом движении. Манжеты брючин туго обхватывали лодыжки и в свою очередь обхватывались верхом ботинок, которые мягко приняли форму его ступней. Манжеты блузы плотно прилегали к запястьям, а кисти были обтянуты тонкими прозрачными перчатками. Воротник блузы прилегал к шее и завершался капюшоном, которым при желании можно было укрыть всю голову. Бейли знал, что так его закутали только ради безопасности космонавтов.

Оглядывая этот кокон, он не сомневался, что ему будет

жарко, тесно и вдобавок его прошибет пот. Однако никаких неудобств он не испытывал, а главное, кожа у него оставалась совершенно сухой, к великому его облегчению. Вывод напрашивался сам собой, и Бейли спросил у робота, который проводил его на космолет и все время оставался с ним:

– Бой, этот костюм снабжен терморегулятором?

– Да, сэр, – ответил робот. – Такой костюм рассчитан на любую погоду и считается максимально удобным. Он очень дорогой, и на Авроре далеко не все в состоянии купить его.

– Неужели? Иосафат!

Он уставился на робота. Модель довольно-таки примитивная и мало чем отличается от земных. Если не считать некоторой живости выражения, земным не свойственной. Например, в определенных пределах этот робот обладал мимикой. Он словно бы чуть улыбнулся, когда дал понять, что Бейли бесплатно получил то, что далеко не все аврорианцы могут себе позволить.

Текстура его тела была металлической, но словно бы тканой, что продавало движениям некоторую плавность, и окрашенной в приятно гармонирующие и контрастирующие цвета. Короче говоря, возникало впечатление, что робот, хотя и не человекоподобен, но носит одежду. Лишь внимательно всмотревшись, можно было обнаружить, что это обман зрения.

– Как мне тебя называть, бой? – спросил Бейли.

– Я Жискар, сэр.

– Р.Жискар?

– Если вам угодно, сэр.

– На корабле есть библиотека?

– Да, сэр.

– Ты можешь принести мне книги об Авроре?

– Какие именно, сэр?

– По истории, общественному устройству, географии.

Словом, такие, какие помогут мне лучше узнать планету.

– Хорошо, сэр.

– И проектор.

– Хорошо, сэр.

Робот вышел через двойную дверь, и Бейли мрачно кивнул ему вслед. Во время полета на Солярию ему не пришло в голову воспользоваться неожиданным досугом для пополнения своих знаний. Да, за последние два года он заметно прогрессировал!

Бейли занялся осмотром каюты. Покрутил ручки гиперволновика. В уши ударила оглушительная музыка. В конце концов ему удалось снизить громкость, но все равно слушал он с неодобрением. Дисгармоничное дребезжание. Словно оркестранты не потрудились толком настроить инструменты.

Бейли покрутил ручки, нажал на кнопки и сумел получить изображение. Передавали космофутбольный матч. Игра, естественно, происходила в невесомости. Мяч летел по прямой, а футболисты (непривычно многочисленные, оде-

тые в форму с плавниками на спине, локтях и коленях, видимо, обеспечивающими точность движений) грациозно взлетали наперерез или тихо парили в воздухе, С непривычки у Бейли закружилась голова. Он наклонился, отыскал выключатель, и тут у него за спиной открылась дверь.

Бейли обернулся, ожидая увидеть Р. Жискара, а потому в первый момент сообразил только, что вошел не Р. Жискар. Лишь через несколько секунд он осознал, что перед ним совершенно человеческая фигура. Широкое скуластое лицо, короткие золотистые волосы, гладко зачесанные назад, костюм консервативного покроя и расцветки...

– Иосафат! – придушенно ахнул Бейли.

– Партнер Элайдж! – произнес вошедший и шагнул к нему с легкой улыбкой на губах.

– Дэниел! – вскричал Бейли, сжимая робота в объятиях. – Дэниел!

Бейли все не отпускал Дэниела. Против всех ожиданий – кто-то знакомый на корабле! Прочное звено между настоящим и прошлым!

Он цеплялся за Дэниела с невыразимым облегчением и нежностью.

Затем мало-помалу собрался с мыслями и вспомнил, что обнимает не просто Дэниела, но Р. Дэниела – робота Дэниела Оливо. Он тискал робота, а робот слегка его обнимал, позволяя себя тискать, поскольку человеку это, видимо доставляло удовольствие, терпеливо перенося объятия, так как позитронные связи его мозга воспрещали ему уклониться от них и тем огорчить человека или смутить его.

Непреодолимый Первый Закон, управляющий роботами, гласит: «Робот не может причинить вред человеку...», а встретить равнодушием изъявление дружбы – значит причинить вред.

Не спеша, стараясь не выдать своей боли, Бейли разжал руки и погладил Дэниела по плечу, чтобы робот ничего не заметил.

– Дэниел, – сказал он, – мы не виделись с тех пор, как ты прилетал на Землю с двумя математиками, помнишь?

– Ну конечно, партнер Элайдж. Увидеть вас – большая радость.

– Так ты испытываешь эмоции? – небрежно спросил Бейли.

– Человеческими терминами определить мое состояние невозможно, партнер Элайдж. Однако когда я вас вижу, мне словно бы легче думается, а сила тяжести как будто уменьшается, слабее воздействует на мое восприятие окружающего. Я замечаю еще многое в том же роде. И мне кажется, все это в определенной мере аналогично тому, что испытываете вы, чувствуя радость.

Бейли кивнул:

– Можно обойтись без точных определений, старина. Раз такое состояние тебя устраивает больше того, в котором ты находился, пока не увидел меня, мне этого достаточно. Понимаешь? Но откуда ты взялся?

– Жискар Ревентлов доложил, что вы прошли...

– ...очистение? – иронически вставил Бейли.

– ...дезинфекцию, – закончил Дэниел. – И я счел, что могу войти.

– Неужто до этого ты опасался инфекции?

– Конечно, нет, партнер Элайдж. Но тогда многие на корабле не захотели бы, чтобы я к ним приближался. Возможность заражения настолько пугает жителей Авроры, что они неспособны логично оценить, насколько это маловероятно.

– Ах так! Но я спросил не о том, почему ты здесь сейчас, а о том, почему ты вообще здесь.

– Доктор Фастольф, к чьему дому я принадлежу, распоря-

дился, чтобы я отправился на посланном за вами космолете по нескольким причинам. Он считает желательным, чтобы вы незамедлительно узнали некоторые факты, связанные с вашей трудной, как он опасается, миссией.

– Это большая любезность. Я благодарю его.

Р. Дэниел признательно поклонился.

– Далее, доктор Фастольф считал, что эта встреча доставит мне... – робот помолчал, – ...адекватные ощущения.

– Радость? Ты это хочешь сказать, Дэниел?

– Если мне уместно воспользоваться этим термином, то да. И третья причина, самая важная...

Дверь отворилась, и вошел Р. Жискар.

Бейли обернулся, и на него нахлынуло раздражение. Р. Жискар был типичным роботом, и его присутствие каким-то образом подчеркивало роботство Дэниела («Р. Дэниела», – внезапно подумал Бейли), хотя Дэниел неизмеримо превосходил его во всех отношениях. А Бейли не желал замечать роботство Дэниела, не желал стыдиться упрямства, с каким он воспринимал Дэниела как человека, настоящего человека, несколько педантичного в манере выражаться. Он нетерпеливо спросил:

– Что тебе, бой?

– Я принес фильмокниги, сэр, – ответил Р. Жискар. – Как вы пожелали. И проектор.

– Ну так положи их. Вот сюда. И можешь идти. Со мной останется Дэниел.

– Хорошо, сэр. – Глаза робота (чуть-чуть светившиеся в отличие от глаз Дэниела, отметил про себя Бейли) быстро обратились на Р. Дэниела, словно ожидая распоряжений высшего существа.

Р. Дэниел сказал негромко:

– Друг Жискар, наилучшим будет остаться возле двери с той ее стороны.

– Я так и сделаю, друг Дэниел, – ответил Р. Жискар.

Он вышел, а Бейли сказал сердито:

– Зачем ему оставаться у двери? Я что, здесь в заключении?

– Только в том смысле, – ответил Дэниел, – что в пути вам не полагается встречаться с членами экипажа. Но Жискар здесь не по этой причине... Прежде мне следует сказать вам, партнер Элайдж, что будет лучше, если вы не станете называть Жискара – или любого другого робота – боем.

Бейли нахмурился:

– Его задевает, когда к нему обращаются так?

– Никакой поступок человека не может задеть Жискара. Просто на Авроре обращение «бой» к роботу исчезло из употребления, и нежелательно, чтобы между вами и аврорианцами возникли трения из-за того, что вы непреднамеренно подчеркнули бы место своего происхождения, прибегнув к идиоме, без которой можно обойтись.

– Ну и как мне к нему обращаться?

– Как вы обращаетесь ко мне. Называйте его определи-

тельное имя. В конце концов, это просто набор звуков, обозначающий того, с кем вы говорите, так почему один набор должен быть предпочтительнее другого? Простая условность. И еще. На Авроре не принято упоминать инициал Р., кроме сугубо официальных случаев, когда работа необходимо назвать полным именем, хотя в последнее время инициал начали опускать и в этих случаях.

– При таком положении вещей, Дэниел (Бейли с трудом подавил внезапное желание сказать «Р. Дэниел»), как вы различаете роботов и людей?

– Различие чаще всего самоочевидно, партнер Элайдж, и нет нужды всякий раз вновь его подчеркивать. Во всяком случае, такова точка зрения Авроры, а поскольку вы заказали Жискару фильмокниги про Аврору, я заключил, что вы намерены ознакомиться с обычаями и правилами поведения аврорианцев для облегчения взятой на себя задачи.

– Навязанной мне задачи. Остальное верно. А что, если различие между роботом и человеком не самоочевидно, Дэниел? Вот, например, ты сам.

– Но для чего проводить это различие, пока ситуация того не требует?

Бейли глубоко вздохнул. Теперь еще надо приспособиться к аврорианской причуде делать вид, будто роботов не существует.

Он спросил:

– Но если Р... Если Жискар тут не потому, что я под аре-

стом, зачем ему стоять у двери?

– Таковы инструкции доктора Фастольфа, партнер Элайдж. Жискар охраняет вас.

– Охраняет? Меня? От чего или от кого?

– Доктор Фастольф не был конкретен, партнер Элайдж.

Но поскольку человеческие страсти разбушевались из-за Джендера Пэнелла...

– Кто такой Джендер Пэнелл?

– Робот, чьей полезности был положен конец.

– То есть робот, который был убит?

– «Убит», партнер Элайдж, – это термин, обычно к роботам не прилагается, а только к людям.

– Но на Авроре же избегают проводить различия между людьми и роботами, разве нет?

– Да, конечно, Но в данном случае потери функциональности, насколько мне известно, вопроса о различиях не вставало, как и об их отсутствии, Какие тут действуют правила, я не знаю.

Бейли задумался. Конечно, мелочь, чисто семантический момент. Но ведь он решил проникнуть в аврорианский образ мышления. Иначе у него заведомо ничего не получится, И он сказал медленно:

– Функционирующий человек – это живой человек. Если его жизнь обрывается насильственно в результате преднамеренных действий другого человека, мы говорим «убийство». Или «лишение жизни», если действия были непреднамерен-

ными. Можно также сказать во втором случае «убийство по неосторожности». Однако человек, увидев, как жизнь другого человека обрывают насильно, закричит: «Убийство!», не разбираясь, преднамеренно это или нет. Тут не до юридических тонкостей.

– Я не разобрался в различиях, которые вы проводите, партнер Элайдж. Поскольку термины «убийство» и «непреднамеренное убийство», оно же «лишение жизни», равно означают насильственное прекращение существования человека, они должны быть взаимозаменяемыми. Так в чем различие?

– Термин «убийство» без дополнительного определения более эффективен. Он заставит похолодеть людей, которые его слышат. А «непреднамеренное убийство» или «лишение жизни» никто вообще кричать не станет.

– Но почему?

– Причина в ассоциациях, в контексте. Воздействует не словарное значение, а стоящий за ним образ. Различие в подразумеваемых условиях и обстановке.

– В моей программе ничего об этом нет, – сказал Дэниел, и Бейли вдруг почувствовали обертону беспомощности в его бесцветных интонациях, всегда бесцветных, о чем бы он ни говорил.

– Ты поверишь мне на слово, Дэниел? – спросил он.

– Ну конечно, – ответил Дэниел мгновенно, как будто ему сообщили решение задачи, поставившей его в тупик.

– Следовательно, мы можем сказать, что функционирующий робот – это живой робот, – продолжал Бейли. – Далеко не все согласятся с таким расширением этого понятия, но у нас есть право выбирать определения, нам полезные. Функционирующего робота удобно воспринимать как живого, и попытка изобрести новый термин, лишь бы избежать употребления привычного, привела бы только к ненужным помехам. Ведь ты живой, Дэниел, верно?

– Я функционирую, – четко и отдельно произнес Дэниел.

– Ну послушай! Если мы говорим «живые» о белках, жуках, деревьях и даже травинках, почему нельзя сказать «живой» про тебя? Мне в голову не придет сказать – или подумать, – что я живой, а ты всего лишь функционирующий. И уж тем более на Авроре, где мне надо следить за собой, чтобы не проводить ненужных различий между людьми и роботами. Поэтому я говорю тебе, что мы оба живые, и прошу поверить Мне на слово.

– Хорошо, партнер Элайдж.

– Но можем ли мы тем не менее сказать, что сознательное насильственное действие со стороны человека, обрывающее жизнь робота, – это убийство? Тут есть повод для сомнений. Если преступление одно, то одной должна быть и кара. Но будет ли это справедливо? Если кара за убийство человека – смерть, следует ли казнить человека, который прервал существование робота?

– За убийство, партнер Элайдж, человек подвергается

психозондированию и реконструкции личности. Преступление совершила личностная структура сознания, а не живущее тело.

– А как на Авроре карается насильственное действие, кладущее конец функционированию робота?

– Не знаю, партнер Элайдж. Насколько мне известно, такого случая на Авроре до сих пор не было.

– Думается, за это стиранием личности не карают, – заметил Бейли. – Так, может, робийство?

– Робийство?

– В качестве термина, подразумевающего сознательное уничтожение робота.

– Ну а глагол от этого существительного, партнер Элайдж? Не говорят же «убийствовать» и, значит, нельзя сказать «робийствовать».

– Ты прав. В обоих случаях придется сказать «совершить убийство».

– Но «убийство» относится только к людям, Например, нельзя совершить убийство животного.

– Верно, – сказал Бейли. – И даже если убить человека случайно, это не будет убийство в строгом смысле слова. Оно всегда подразумевает преднамеренность. Более общим будет «убить» в смысле «лишить жизни». Этот глагол употребляется, когда речь идет не только о сознательном убийстве, но и о несчастном случае, Он применим и к людям, и к животным. Даже дерево может быть убито болезнью, так почему

же не может быть убит и робот, а, Дэниел?

– Люди, и животные, и растения, партнер Элайдж, – это живые существа, – ответил Дэниел. – А робот – такое же изделие человеческих рук, как вот этот проектор. Изделия же «уничтожают», «портят», «разбирают» и так далее, но не убивают.

– И все-таки, Дэниел, я предпочитаю слово «убить». Джендер Пэнелл был убит.

– Каким образом замена одного слова другим может сделать другим то, что это слово обозначает? – спросил Дэниел.

– «То, что зовется розой, и под иным названием будет благоухать все так же». Ты это имеешь в виду, Дэниел? Благоухание розы?

Дэниел помолчал, а затем сказал:

– Я не вполне уверен, что именно подразумевается под «благоуханием розы». Но если роза на Земле – это тот же цветок, который называют розой на Авроре, а под благоуханием вы подразумеваете свойство, которое люди способны обнаружить, ощутить или измерить, то, разумеется, обозначение розы иной комбинацией звуков при сохранении всех остальных отличий не повлияет на ее благоухание или на любое другое из присущих ей свойств.

– Верно, Хотя, когда речь идет о людях, изменение названия порой приводит к изменению восприятия.

– Каким образом, партнер Элайдж?

– Видишь ли, люди часто бывают нелогичными, Дэниел.

Отнюдь не похвальная черта характера.

Бейли погрузился в кресло поглубже и начал настраивать проектор, чтобы дать себе несколько минут на размышление. Разговор с Дэниелом был полезен сам по себе. Играя со смысловыми оттенками слов, он сумел забыть, что находится в космосе, что космолет стремительно удаляется от центра масс Солнечной системы, готовясь к Прыжку через гиперпространство. Сумел забыть, что вскоре между ним и Землей пролягут миллионы километров, а затем и несколько световых лет.

А еще важнее было то, что разговор этот подсказывал несколько практических выводов. Все утверждения Дэниела, будто аврорианцы не проводят различия между людьми и роботами, явно не слишком строго соответствовали истине. Пусть аврорианцы либерально убрали инициал Р., отказались от обращения «бой» и некоторых других формальных моментов, но упорное нежелание Дэниела пользоваться одним словом для обозначения насильственного уничтожения робота и человека (нежелание, заложенное в его программу, в свою очередь показывающую, какого поведения ждут от него аврорианцы) наталкивало на категорическое заключение, что все перемены остаются чисто внешними. По сути аврорианцы не меньше землян убеждены, что робот – машина и стоит неизмеримо ниже человека.

А это означало, что решение навязанной ему головоломки (если оно вообще достижимо) не будет осложнено невер-

ным представлением хотя бы об одном аспекте человеческого общества Авроры.

Бейли взвесил, не расспросить ли Жискара для проверки, насколько правильные выводы он сделал из разговора с Дэниелом, и тут же отказался от этой мысли. Прямолинейное, свободное от тонкостей сознание Жискара ничего полезного в этом смысле не сулило.

– Дэниел, – сказал он, – давай-ка рассмотрим случившееся с Джендером Пэнеллом, то есть, насколько я понял из твоих слов, первое робийство на Авроре. Человек, чьих рук это дело, – то есть убийца – видимо, остался неизвестным.

– Если, – ответил Дэниел, – предположить, что это сделал человек, то да, его личность неизвестна. В этом вы правы, партнер Элайдж.

– Ну а побудительная причина? Почему Джендер Пэнелл был убит?

– Она тоже неизвестна.

– Но Джендер Пэнелл был человекоподобным роботом, таким, как ты, а не как, например, Р. Жи... Жискара, хотел я сказать.

– Да. Джендер был таким же человекоподобным роботом, как и я.

– В таком случае это, возможно, вообще не робийство.

– Я не понял, партнер Элайдж.

Бейли сказал с легким раздражением:

– Что, если убивший принял Джендера за человека? И

произошло не робийство, а убийство?

После паузы Дэниел покачал головой:

– Человекоподобные роботы внешне очень сходны с людьми. Вплоть до волосков и пор на нашей коже. Голоса у нас безупречно естественные, мы способны точно воспроизводить процесс поглощения пищи и так далее. Но в нашем поведении есть заметные отличия. Возможно, в дальнейшем технические усовершенствования позволят устранить большинство из них, но пока они многочисленны. Вам и другим землянам, не привыкшим к человекоподобным роботам, эти отличия не бросаются в глаза, но уроженец Авроры замечает их сразу. Ни один аврорианец не принял бы Джендера – как и меня – за человека. Ни на секунду.

– Ну а космонит с другой планеты мог бы так ошибиться?

– Не думаю, – колебавшись, ответил Дэниел. – Вывод этот я сделал не из личных наблюдений, он не заложен в моей программе прямо. Однако она позволяет мне заключить, что на всех космомирах роботов знают не хуже, чем на Авроре, а на некоторых – на Солярии, например, – так даже еще лучше. А это дает мне основание заключить, что любой космонит сразу же заметит различие между человеком и роботом.

– А на других мирах есть человекоподобные роботы?

– Нет, партнер Элайдж. Пока они есть только на Авроре.

– В таком случае остальные космониты знают человекоподобных роботов не так уж хорошо и вполне могут не заметить их отличий от людей.

– Вероятность очень мала. Даже человекоподобные роботы обладают четкими отличиями, которых космонит не может не распознать.

– Но ведь есть же не очень умные космониты, менее опытные, менее зрелые. Ну и просто дети, наконец!

– Партнер Элайдж, это... это робийство неумный, неопытный или не вышедший из детства человек совершить не мог. Подобное совершенно исключено.

– Мы ограничиваем круг подозреваемых. Отлично. Итак, ни один космонит не мог бы допустить такой ошибки. Ну а землянин? Ведь...

– Партнер Элайдж, когда вы высадитесь на Авроре, то станете первым землянином, ступившим на ее почву по завершении периода заселения планеты. Все ныне живущие аврорианцы родились либо на Авроре, либо на других космомирах, но последних довольно мало.

– Первый землянин! – пробормотал Бейли. – Я польщен. Но не мог ли землянин попасть на Аврору тайно?

– Нет! – ответил Дэниел категорично.

– Но, Дэниел, возможно, твои сведения не полны.

– Нет! – Это было сказано с той же категоричностью.

– В таком случае, – Бейли пожал плечами, – остается предположить, что робийство было именно робийством и ничем иным.

– Таков был вывод с самого начала.

– Пришедшие к такому выводу аврорианцы с самого нача-

ла располагали всей полнотой информации, а я только сейчас узнаю кое-что.

– Партнер Элайдж, мои слова не несли в себе уничижительного оттенка. Мне ли ставить под сомнение ваши способности!

– Спасибо, Дэниел. И я знал, что в твоих словах не было насмешки. Но до этого ты сказал, что данное робийство не мог совершить кто-либо неумный, неопытный или не вышедший из детства, что подобное абсолютно исключено. Давай рассмотрим твоё утверждение...

Бейли знал, что выбирает окольный путь, но иного выхода не было. Он не осведомлен в обычаях аврорианцев, образ их мышления ему ещё непонятен, а потому строить гипотезы и идти напролом пока рано. Примени он такую тактику к мало-мальски умному человеку, тот вскоре вскипел бы и сам все выложил бы, а вдобавок счел бы Бейли круглым идиотом. Но Дэниел будет следовать за ним по этой извилистой дороге с неистощимым терпением.

Одно из свойств, выдающих в нём робота вопреки его человекоподобию. Аврорианец определил бы, кто он такой, по ответу на первый же свой вопрос. Дэниел был совершенно прав, когда говорил о тонкости различий.

– Далее, – продолжал Бейли, – всех детей, а также, пожалуй, большинство женщин и многих мужчин можно исключить, исходя из предположения, что способ робийства требовал значительной силы – если голова Джендера, например,

была разбита сокрушительным ударом или ему расплющили в лепешку грудную клетку. Сделать это, на мой взгляд, мог бы только человек могучего телосложения.

По сведениям, которые Бейли получил на Земле от Лавинии Драчек, робийство было совершено иначе, но ведь ее могли сознательно дезинформировать.

– Никакому человеку это было бы не под силу, – сказал Дэниел.

– Почему?

– Партнер Элайдж, вы же знаете, что скелет робота сделан из металла, несравнимо более прочного, чем человеческие кости. Для движений у нас выделяется больше энергии, они стремительнее, более четко контролируются. Третий Закон гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности». Нападение человека было бы предотвращено без малейшего труда. Самого сильного человека можно мгновенно обездвижить. А вероятность, что робот будет застигнут врасплох, крайне мала. Присутствие человека мы определяем сразу же, иначе мы не могли бы выполнять свои функции.

– Ну послушай, Дэниел! – сказал Бейли с досадой. – Третий-то Закон гласит не совсем то! «Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон гласит: «Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону». Ну и Первый Закон: «Робот не мо-

жет причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Человек может приказать, чтобы робот себя уничтожил, и робот использует собственную силу, чтобы разбить собственный череп. А если человек нападет на робота, тот не сможет предотвратить нападения, не причинив человеку вреда. А это будет нарушением Первого Закона.

– Вы, мне кажется, думаете о земных роботах, – сказал Дэниел. – На Авроре (и на любом космомире) роботов ценят выше, чем на Земле, и в целом они сложнее, многостороннее и стоят дороже. Третий Закон заметно сильнее в сравнении со Вторым, чем на Земле. На любом космомире приказ самоуничтожиться будет подвергнут анализу и выполнен, только если причине окажется достаточно веской – наличие явной и неотвратимой опасности. А при отвлечении нападения Первый Закон нарушен не будет. Аврорианские роботы очень умелы и способны обездвижить человека, не причинив ему ни малейшего вреда.

– Ну, а если человек будет настаивать, что неминуемо погибнет, если он – робот – себя не уничтожит? Неужели робот и тогда не подчинится?

– Аврорианский робот безусловно усомнится в таком утверждении, если оно будет голословным. Ему потребуются четкие доказательства того, что в противном случае человеку действительно угрожает гибель.

– А если человек достаточно хитер и подстроит так, что

роботу представится, будто опасность реальна и очень велика? Именно такая находчивость и заставляет тебя исключить неумных, неопытных и не вышедших из детства?.

– Нет, партнер Элайдж, не она.

– В моих рассуждениях допущена ошибка?

– Нет.

– Следовательно, ошибочно мое предположение, что ему были нанесены физический повреждения. На самом деле физически он цел и невредим?

– Да, партнер Элайдж.

То есть сведения Лавинии Демачек были верными, подумал Бейли.

– Значит, Дэниел, робийство было психическим. Роблок! Полный и необратимый.

– Роблок?

– Упрощение термина «робоблок», означающего перманентное отключение позитронных связей.

– На Авроре слово «роблок», партнер Элайдж, не употребляется.

– А как это называется у вас?

– Мы говорим «умственная заморозка».

– Два способа описать одно явление.

– Возможно, партнер Элайдж, разумнее будет пользоваться нашим, или ваши собеседники аврорианцы вас не поймут, и в разговоре возникнут затруднения. Вы недавно сами сказали, что разница в словах имеет значаще.

– Ладно. Буду говорить «умственная заморозка». А она может наступить мгновенно?

– Да. Но робопсихологи считают, что шансы на это крайне малы. Как человекоподобный робот могу сообщить, что ни разу не испытал ничего, хотя бы отдаленно напоминающего умственную заморозку.

– Следовательно, остается предположить, что какой-то человек сознательно создал ситуацию, ведущую к умственной заморозке.

– Именно это утверждают противники доктора Фастольфа, партнер Элайдж.

– А поскольку для этого требуется практическое владение робопсихологией, опыт и умение, неумные, неопытные и не вышедшие из детства автоматически исключаются.

– Абсолютно логичный вывод, партнер Элайдж.

– И открывается возможность составить точный список аврорианцев с достаточной квалификацией, тем самым очертив группу подозреваемых, вряд ли очень многочисленную.

– Это было сделано, партнер Элайдж.

– Так сколько имен в этом списке?

– В самом подробном из предложенных – одно.

– Только одно имя?! – сердито крикнул Бейли, нахмутив брови.

– Только одно имя, партнер Элайдж, – негромко, сказал Дэниел. – Это вывод доктора Хэна Фастольфа, крупнейшего

теоретика в области робопсихологии на Авроре.

– Так где же тут тайна? Чье это имя?

– Доктора Хэна Фастольфа, естественно, – ответил Дэниел, – Я же только сейчас сказал, что он крупнейший теоретик в области робопсихологии на Авроре, и согласно профессиональному заключению доктора Фастольфа, только он один на Авроре был бы способен довести Джендера Пэнелла до полной умственной заморозки без каких-либо следов того, как это было достигнуто. Однако доктор Фастольф, кроме того, утверждает, что он этого не делал.

– Но никто другой сделать этого не мог?

– Вот именно, партнер Элайдж. В этом и заключается тайна.

– Ну а если доктор Фастольф... – Бейли умолк. Какой смысл спрашивать Дэниела, не мог ли доктор Фастольф солгать, допустить неточность либо в заключении, что кроме него ни у кого на это не достало бы квалификации, либо в утверждении, что сам он этого не делал. Дэниел запрограммирован Фастольфом, и программа просто не может включать способность усомниться в программирующем.

А потому Бейли ограничился тем, что сказал со всей доступной ему мягкостью:

– Я все это обдумую, Дэниел, и мы снова поговорим.

– Очень хорошо, партнер Элайдж. Да и наступило время сна. Поскольку на Авроре у вас будет очень много дела и вы не сможете придерживаться правильного режима, разумнее

будет использовать возможность спать в полную меру. Я покажу вам, как раскрыть кровать и застелить ее.

– Спасибо, Дэниел, – буркнул Бейли, не сомневаясь, что заснуть ему не удастся. Его послали на Аврору, только чтобы доказать, что Фастольф не виновен в робийстве. Успешное достижение этой цели укрепило бы позиции Земли, а также (пусть и не по такому большому счету, но лично для него очень важному) поспособствовало бы дальнейшей его карьере. И вот еще на полпути к: Авроре выясняется, что Фастольф практически признал себя преступником.

Бейли все-таки заснул, после того как Дэниел посоветовал ему снизить напряженность поля, обеспечивающего псевдо-тяготение. Это не было истинной антигравитацией и требовало такого количества энергии, что подобное понижение допускалось лишь на ограниченный срок в строго определенных условиях.

Дэниел не был запрограммирован для того, чтобы объяснить суть процесса. Впрочем, Бейли не сомневался, что никаких объяснений он все равно не понял бы. К счастью, включать и регулировать можно было и не разбираясь в принципах устройства.

– Снизить напряженность до нуля невозможно, – сообщил Дэниел. – Во всяком случае, с помощью этого аппарата. Да и в любом случае сон в условиях нуль-тяготения чреват рядом неудобств, особенно для тех, кто не привык к космическим полетам. Снизить ее надо ровно настолько, чтобы, не ощущая веса своего тела сохранять ощущение верха и низа. Степень снижения для разных людей разная. Большинство предпочитает максимум, предлагаемый аппаратом, но в первый раз вам, наверное, будет приятнее более высокая напряженность, позволяющая сохранить в определенной мере привычное ощущение собственной тяжести. Просто попробуйте разные уровни и подберите наиболее вам приятный.

Увлечшись новизной ощущений, Бейли обнаружил, что проблема Фастольфа – его утверждение и отрицание – исчезает из его мыслей одновременно с тем, как на него накатывает сонливость. Видимо, это были две стороны одного процесса.

Ему приснилось, что он снова на Земле {естественно!} и едет на экспрессуэ, но не сидит, а словно парит над скоростной полосой над самыми головами движущихся людей, чуть-чуть их обгоняя. Никто из них словно не удивлялся, никто не оборачивался на него. Состояние было удивительно приятным, и, проснувшись, он пожалел, что оно не продлилось.

Утром после завтрака...

Но утро ли это? Бывает ли в космосе утро или другое время суток? Нет, конечно. Поразмыслив, он пришел к выводу, что «утро» следует определять как время, следующее сразу за пробуждением, а «завтрак» – как пищу, съедаемую в этот отрезок времени; вести же счет времени вообще не надо, так как оно объективного значения не имеет – во всяком случае для него, если не для экипажа.

Итак, утром после завтрака он просмотрел принесенные ему листы с новостями, убедился, что робийство на Авроре в них не упомянуто, и взялся за фильмокниги, которые накануне (в предыдущее бдение?) ему принес Жискар.

Он выбрал исторические – судя по названиям – и, бегло проглядев несколько, пришел к выводу, что Жискар снабдил его литературой, предназначенной для подростков. Множе-

ство иллюстраций и упрощенный текст. Ах так вот как Жискар определил его интеллектуальный уровень? Или же полагал, что точно выполняет его заказ? Бейли подумал, подумал и решил, что Жискар по своей позитронной простоте сделал совсем недурной выбор, и вовсе незачем выискивать тут скрытую насмешку.

Бейли расположился поудобнее и сосредоточился. Вскоре он заметил, что Дэниел смотрит фильмокниги вместе с ним. Из любопытства? Или просто чтобы дать занятие глазам?

Дэниел ни разу не попросил повторить страницу. И не задал ни единого вопроса. Возможно, он воспринимал все, что читал, с доверчивостью робота, не позволяя себе роскоши вроде сомнений или любопытства.

Бейли в свою очередь не задавал Дэниелу никаких вопросов по содержанию книг, хотя и осведомился у него, как включить аврорианский проектор, устройства которого не знал.

Иногда Бейли отрывался от проектора и посещал примыкавшее к его каюте маленькое помещение, которое служило для удовлетворения различных физиологических потребностей личного характера – настолько, что оно называлось «Личная» и помечалось заглавной буквой «Л» и на Земле, и – как Бейли понял из слов Дэниела – на Авроре. Тут места в нем хватало лишь на одного человека, что стесняло уроженца Города, привыкшего к длинным рядам уринов, экскремент-сидений, раковин и душ.

Просматривая фильмокниги, Бейли не старался запоминать детали. Он не собирался стать специалистом по аврорианскому обществу или хотя бы набраться сведений в школьном объеме. Нет, он просто хотел ощутить дух этого общества.

Например, вопреки житийному тону, присущему всякой исторической литературе, предназначенной для подростков, он убедился, что первопроходцы на Авроре – отцы-основатели, пионеры, – явившиеся с Земли осваивать Аврору в раннюю эпоху космических полетов, были землянами в полном смысле этого слова. Их политика, свары, все аспекты их поведения были законченно земными. То, что тогда происходило на Авроре, напоминало заселение относительно пустынных областей Земли за два-три тысячелетия до описываемых событий.

Естественно, аврорианцам не пришлось столкнуться и вести войну с разумными существами, с мыслящими аборигенами, и этических проблем гуманизма и беспощадной жестокости у пришельцев с Земли не возникало. Собственно, жизни как таковой на Авроре вообще почти не было, а потому люди, их культурные растения, их животные, а также паразиты и микроорганизмы, захваченные ими нечаянно, быстро освоили планету. Ну и, конечно, первопоселенцы привезли с собой роботов.

Первые аврорианцы быстро почувствовали, что планета принадлежит им, тем более что завладели ею, ни с кем не со-

перничая. И вначале назвали ее Новой Землей. Вполне естественно: ведь она была первой планетой вне Солнечной системы – первым космомиром, – где поселились люди. Первый практический плод межзвездных полетов, первый проблеск зари чудесной новой эры. Правда, они очень скоро обрезали пуповину и назвали планету «Аврора» в честь римской богини зари.

Мир Зари! Вот так поселенцы практически с самого начала сознательно объявили себя праотцами обновленного человечества. Прежде его история являла собой темную Ночь, и только для аврорианцев на их новой планете наконец-то занялся новый День.

Это великое свершение, это упоенное самовосхваление давало себя чувствовать во всех частностях, оно отражалось в именах и праздниках, в различиях победителей и неудачников. В нем заключалась вся суть.

Началось заселение других миров – одних с Земли, других с Авроры, – но Бейли не задерживался на этих и других частных подробностях. Его интересовали более широкие мазки, и он обнаружил две кардинальные перемены, еще больше столкнувшие аврорианцев с их былой земной орбиты: нарастающее включение роботов во все стороны жизни общества и, во-вторых, увеличение среднего срока человеческой жизни.

Чем технически совершеннее и разностороннее становились роботы, тем больше полагались на них аврорианцы. Но

не в ущерб своей самостоятельности. Ничего общего с той полной зависимостью, с какой Бейли столкнулся на Солярии, где горстка людей нежилась в теплом коконе, сплетенном и обслуживаемом множеством роботов. На Авроре роль роботов была иной.

И все-таки зависимость возникла.

Интуитивно нащупывая какую-то общую тенденцию, Бейли обнаружил, что каждая ступень во взаимоотношении человек – робот словно бы зависела от зависимости. Даже то, как права роботов стали общепризнанными, – постепенный отказ от того, что Дэниел назвал бы «ненужными различиями», – было симптомом зависимости. На взгляд Бейли, более гуманная позиция аврорианцев объяснялась не внутренней потребностью, но лишь помогала маскировать искусственную природу роботов и рождалась из желания избавиться от неприятной необходимости открыто признать тот факт, что люди зависят от неодушевленных предметов, снабженных искусственным интеллектом.

Продлению же срока жизни сопутствовало замедление исторического развития. Взлеты и падения выравнивались. Росло неприятие резких перемен, росло всеобщее согласие.

Во всяком случае история, с которой он знакомился, становилась все менее интересной и почти уже вызывала зевоту. Тем, из чьих судеб она слагалась, несомненно, жилось хорошо. Ведь история интересна катастрофами, весьма увлекательными на экране проектора, но наводящими ужас на

тех, кого они постигают. Вероятно, индивидуальная жизнь продолжала быть интересной для подавляющего большинства аврорианцев, а если общее взаимодействие этих жизней обрело безмятежную устойчивость, кто мог возражать?

Если Мир Зари вступил в тихий солнечный день, кто из обитателей этого мира начал бы требовать бурь?

Наклоняясь над проектором, Бейли вдруг испытал ощущение, не поддававшееся описанию. Словно его на миг вывернули наизнанку, сказал бы он, если бы у него попросили объяснения. Вывернули и за ничтожную долю секунды вернули в нормальное положение.

Произошло это столь мгновенно, что Бейли чуть не прозевал это ощущение, словно просто неожиданно икнул.

Лишь почти через минуту он задним числом осознал, что нечто подобное ему уже довелось почувствовать Дважды когда он летел на Солярию и когда возвращался с этой планеты на Землю.

Это был Прыжок, переброс в гиперпространство, который за вневременной внепространственный интервал перекинул корабль через парсеки, преодолев барьер скорости света, незыблемый для Вселенной. (В словах никакой тайны нет: корабль просто покинул Вселенную и пересек нечто, не ставящее предела скорости. Но вот понятие окружено непроницаемой тайной, ибо описать суть гиперпространства возможно лишь с помощью математических символов, которые еще никому не удавалось преобразовать в нечто удобопонятное.)

Если просто принять факт, что люди научились использовать гиперпространство, не понимая, что именно они используют, то практический результат становился предельно ясен. Корабль находился в нескольких микропарсеках от Земли, а в следующий момент оказался в нескольких микропарсеках от Авроры.

В идеале Прыжок занимал нулевой момент – в буквальном смысле нуль времени – и будь он выполнен безупречно, никакой биологической реакции не возникло бы и возникнуть не могло. Однако по утверждению физиков абсолютная безупречность требовала неограниченной энергии, потому всегда возникал «эффект времени», не вполне равный нулю, но поддающийся сокращению до требуемой малой величины. Именно из-за него возникало непривычное, но абсолютно безвредное ощущение, что тебя вывернули наизнанку.

Едва Бейли осознал, что теперь находится очень далеко от Земли и очень близко от Авроры, как им овладело сильнейшее желание поскорее увидеть этот мир.

И просто как обитаемую планету, и как объект, с которым он познакомился по фильмокнигам, а теперь мог своими глазами посмотреть на то, чем были заняты все его мысли.

В эту минуту вошел Жискар с едой, подаваемой в середине периода между пробуждением и сном – так сказать, обедом, – и сообщил:

– Мы приближаемся к Авроре, сэр, но обозреть ее из рубки вы не сможете. Правда, обозреть пока нечего. Солн-

це Авроры в данный момент выглядит просто яркой звездой, и пройдет еще несколько суток, прежде чем мы приблизимся к Авроре настолько, что ее можно будет рассматривать в подробностях.

Жискар замолчал, но затем как будто что-то сообразил и поспешил добавить:

– Но и тогда, сэр, обозревать ее из рубки вы не сможете.

Бейли стиснул зубы от унижения. Видимо, никто не сомневался, что он захочет взглянуть на планету из космоса, и это желание бесцеремонно подавили в самом зародыше. Его присутствия в рубке в качестве наблюдателя не требовалось.

– Хорошо, Жискар, – сказал он, и робот ушел.

Бейли угрюмо смотрел ему вслед. Какие еще ограничения будут на него наложены? Успешное завершение его миссии и так представлялось весьма сомнительным, но сколько способов изыщут аврорианцы, чтобы оно стало заведомо невозможным?

Глава третья

Жискар

9

Бейли обернулся к Дэниелу и сказал:

– Дэниел, меня раздражает, что я должен сидеть здесь взаперти, потому что аврорианцы на борту опасаются меня как источника инфекции. Ведь это чистой воды суеверие. Разве я не прошел полную обработку?

– Вас просят не покидать каюту, партнер Элайдж, вовсе не потому, что вы внушаете аврорианцам хоть какие-то опасения, – ответил Дэниел.

– Да? Тогда почему же?

– Если помните, при нашей встрече на этом корабле вы спросили меня о причине, из-за которой меня послали сопровождать вас. Я ответил: чтобы у вас, пока вы будете осваиваться с новой обстановкой, было рядом что-то знакомое и чтобы доставить радость мне. Я собирался сообщить вам третью причину, но пришел Жискар с проектором и фильмокинами, а затем мы заговорили о респсихологии.

– И третью причину ты так и не назвал. Так в чем она состоит?

– Просто, партнер Элайдж, мне поручили оберегать вас.

– От чего оберегать?

– Случай, который мы условились называть робийством, пробудил разные необычные страсти, Вас пригласили на Аврору доказать невиновность доктора Фастольфа. А гиперволновая драма...

– Иосафат, Дэниел! – возмущенно вскричал Бейли – Неужто ее видели и на Авроре?

– Ее видели на всех космомирах, партнер Элайдж. Она пользовалась огромным успехом и неопровержимо доказывала, что вы необычайно талантливый следователь.

– И замешанные в робийстве могли так испугаться моего появления, что готовы рискнуть многим, лишь бы помешать мне установить истину. Даже убить меня.

– Доктор Фастольф, – невозмутимо сказал Дэниел, – абсолютно убежден, что в робийстве никто не замешан, поскольку совершить его было под силу только ему самому. С точки зрения доктора Фастольфа, это была несчастная случайность. Однако есть люди, которые пытаются использовать ее в своих целях, и в их интересах воспрепятствовать вам, помешать доказать, что это была именно случайность. Вот почему вас необходимо оберегать.

Бейли торопливо прошелся по каюте, словно стараясь подстегнуть свои мысли физическим напряжением. Почему-то ощущения грозящей опасности у него не возникло. Он сказал:

– Дэниел, сколько всего человекоподобных роботов на Авроре?

– Теперь, когда Джендер больше не функционирует?

– Да. Теперь, когда Джендер умер.

– Один, партнер Элайдж.

Бейли потрясенно уставился на Дэниела и беззвучно повторил: «один?» После паузы он сказал:

– Я хочу уточнить, Дэниел. Ты единственный человекоподобный робот на Авроре?

– И на всех остальных планетах, населенных людьми, партнер Элайдж. Я думал, вам это известно. Доктор Фастольф не счел нужным создать их больше, а никто другой на это не способен.

– Но если так и один из двух человекоподобных роботов был убит, неужели доктор Фастольф не сообразил, что второму и теперь единственному человекоподобному роботу – тебе, Дэниел, – может угрожать опасность?

– Такой вариант он учитывает. Но вероятность повторения редчайшего стечения обстоятельств, вызвавшего умственную заморозку, фантастически мала. Тем не менее он полагает, что возможность какого-либо несчастного случая полностью исключить нельзя, и, надо думать, это также сыграло свою роль в его решении отправить меня на Землю за вами. Так, чтобы меня неделю не было на Авроре.

– И теперь ты такой же заключенный, как и я, Дэниел?

– Только в том смысле, – спокойно ответил Дэниел, – что

мне не следует покидать пределы этой каюты.

– А в каком еще смысле можно быть заключенным?

– В том смысле, что подобное ограничение свободы действий отрицательно влияет на подвергнутых ему. В понятие «заключение» заложено отсутствие добровольности. Я же вполне понимаю причину, почему мне нельзя выходить отсюда, и признаю ее весомость.

– Ты-то признаешь, – отрезал Бейли, – а я нет. То есть я заключенный в полном смысле слова. Да и что обеспечивает нам безопасность здесь?

– Во-первых, партнер Элайдж, снаружи дежурит Жискар.

– А у него хватит сообразительности принять меры?

– Он полностью понимает распоряжения, которые получил. Он очень прочен, силен и сознает всю важность возложенных на него обязанностей.

– Ты хочешь сказать, что он позволит разломать себя, лишь бы защитить нас с тобой?

– Естественно. Как и я дам себя разломать, чтобы обеспечить безопасность вам.

Бейли растерялся.

– И тебя не возмущает ситуация, – пробормотал он, – при которой ты можешь быть вынужден отказаться от своего существования ради меня?

– Я так запрограммирован, партнер Элайдж, – ответил Дэниел голосом, в котором словно бы зазвучала необычная мягкость. – Но почему-то мне кажется, что и без програм-

мирования утрата моего существования куда менее важна, чем ваше спасение.

Бейли не устоял. Он схватил руку Дэниела и яростно ее потряс.

– Спасибо, партнер Дэниел, но только ни в коем случае собой не жертвуй. Я не хочу, чтобы ты перестал существовать. Это слишком дорогая цена за мое спасение, так я считаю.

Бейли с изумлением понял, что говорит абсолютно искренне, и слегка ужаснулся своей готовности рискнуть жизнью ради робота... Нет, не робота – Дэниела.

Вошел Жискар, и снова без предупреждения. Бейли уже свыкся с этим: робот, как его телохранитель, должен был входить в выходить без разрешения, когда считал нужным сам. А в глазах Бейли Жискар оставался всего лишь роботом, пусть он и не называл его «боем» и опускал инициал Р. Если Жискар застанет его, когда он будет чесаться, ковырять в носу, удовлетворять ту или иную неаппетитную физиологическую потребность, то (решил Бейли) воспримет его действия с полным равнодушием, без осуждения или критики и лишь безразлично зафиксирует в памяти это наблюдение.

Таким образом, Жискар оставался самодвижущимся предметом обстановки, и его присутствие совершенно Бейли не смущало... Впрочем, мимоходом подумал Бейли, Жискар еще ни разу не появлялся в неподходящий момент.

В пальцах Жискара был зажат какой-то кубик.

– Сэр, я полагаю, вы все еще хотели бы посмотреть на Аврору из космоса?

Бейли вздрогнул от неожиданности. Разумеется, Дэниел заметил его досаду, правильно определил причину и нашел выход из положения. Поручить исполнение Жискару, словно тот сам простоудушно додумался до этой идеи, Дэниелу подсказала тонкая деликатность. Так он освобождал Бейли от необходимости выразить Благодарность. Во всяком случае,

это придумал Дэниел.

Собственно говоря, то, что ему беспричинно (как он убежден) препятствуют увидеть Аврору из космоса, сердило Бейли даже больше, чем самый факт заточения в каюте. После Прыжка миновало двое суток, но он все еще был зол, что лишился этого зрелища. И вот... Он повернулся к Дэниелу:

– Спасибо, друг.

– Это придумал Жискар, – сказал Дэниел.

– Ну конечно, – поправился Бейли с легкой улыбкой. – Я благодарю и его. А что это такое, Жискар?

– Астросимулятор, сэр. Работает примерно как трехмерный приемник и подключен к обзорному салону. Если мне можно добавить...

– Ну?

– Вид вам не покажется интересным, сэр. Мне не хотелось бы, чтобы вы были разочарованы.

– Постараюсь не предвкушать ничего особенного, Жискар. В любом случае, даже если я буду разочарован, то не по твоей вине.

– Благодарю вас, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам настроить прибор, если возникнут какие-нибудь затруднения.

Он вышел, а Бейли сказал Дэниелу с одобрением:

– По-моему, Жискар отлично выполнил задание. Пусть он и простая модель, но прекрасной конструкции.

– Он ведь тоже робот доктора Фастольфа, партнер

Элайдж. Астросимулятор снабжен блоками питания и самонастраивается. Поскольку он уже наведен на Аврору, достаточно слегка нажать на контрольную пластинку. Прибор включится, и больше вам ничего делать не надо. Хотите сами включить его?

– Зачем? – Бейли пожал плечами. – Включи ты. Дэниел поставил кубик на тот же стол, за которым Бейли работал с проектором.

– Это контрольная пластинка, партнер Элайдж, – сказал Дэниел, кивнув на узкий прямоугольник у себя на ладони. – Ее нужно просто взять за края – вот так – и слегка нажать. Прибор включится. При повторном нажатии он выключается.

Дэниел нажал на пластинку, и Бейли придушенно вскрикнул. Он полагал, что кубик засветится и спроецирует голографическое изображение звездного пространства. Но произошло прямо противоположное: внезапно он очутился в космосе – в космосе! – среди ярких немигающих звезд повсюду вокруг.

Длилось это мгновение, а затем все обрело прежний вид: каюта, а в ней Бейли, Дэниел и кубик.

– Прошу прощения, партнер Элайдж, – сказал Дэниел. – Я выключил его, едва заметил вашу реакцию. Я не предусмотрел, что вы не подготовлены.

– Так подготовь меня. Что произошло?

– Астросимулятор воздействует непосредственно на зри-

тельный центр человеческого мозга. Отличить внушаемый им образ от трехмерной реальности невозможно. Прибор относительно новый и пока употребляется только для астрономических изображений, поскольку они отличаются разнообразием мелких деталей.

– И ты видел то же, что я?

– Да, но туманно и далеко не так реалистично, как человек. Я вижу смутную картину, наложенную на обстановку каюты, сохраняющую полную четкость. Но мне объяснили, что люди видят только картину. Несомненно, когда мозг таких, как я, получит более тонкую восприимчивость и будет настроен...

Бейли уже совсем оправился.

– Дело в том, Дэниел, что я ничего, кроме изображения, не осознавал. Даже себя. Я не видел своих рук, не знал, где они. У меня было ощущение, будто я дух бесплотный, что... э... То есть я, наверное, так себя чувствовал бы, если бы умер, но продолжал существовать только как сознание в какой-то нематериальной загробной жизни.

– Теперь я понимаю, почему это так плохо на вас подействовало.

– По правде говоря, очень и очень плохо.

– Прошу прощения, партнер Элайдж, и сейчас же скажу Жискару, чтобы он унес прибор.

– Нет. Теперь я подготовлен. Дай мне попробовать еще раз. А сумею я выключить прибор, даже не осознавая, что у

меня есть руки?

– Пластинка прилипнет к вашей ладони, партнер Элайдж, и уронить ее вы не сможете. Ознакомившись с этим явлением, доктор Фастольф сказал мне, что едва у держащего контрольную пластинку возникнет желание выключить астросимулятор, как пальцы сожмутся сами собой. Безусловный рефлекс, связанный с теми же нервными механизмами, что и само зрение. Во всяком случае, так реагируют аврорианцы, и, полагаю...

– ...что земляне достаточно сходны с аврорианцами и реакция будет такой же. Отлично. Дай мне пластинку, и я попробую.

Бейли не без внутренней дрожи нажал на края пластинки и вновь очутился в космосе. Но теперь он знал, чего ждать, и, убедившись, что дышит нормально и абсолютно не ощущает себя в вакууме, решил сполна воспользоваться этой зрительной иллюзией. Дышал он, правда, довольно глубоко (возможно, в доказательство, что он действительно дышит), однако озирался по сторонам с подлинным любопытством.

Внезапно осознав, что слышит свое сопение, он спросил:

– Дэниел, ты меня слышишь? – И услышал свой голос. Словно из отдаления с какой-то непривычной интонацией – но услышал.

А затем услышал и голос Дэниела, тоже чем-то отличающийся от обычного, однако вполне внятный.

– Да, я вас слышу, – ответил Дэниел. – Как и вы меня,

партнер Элайдж. Зрение и мышечное восприятие подвергаются воздействию ради реалистичности, но слух не затрагивается. Вернее, лишь в очень слабой степени.

– Ну, вижу я только звезды, причем знакомые. Но у Авроры же есть солнце, и мы настолько близко от него, что, по моему, эта звезда должна выделяться особой яркостью.

– Совершенно верно, партнер Элайдж. Но ее яркость чересчур велика и астросимулятор ее снижает, иначе ваша ретина могла бы получить серьезные повреждения.

– Ну а планета где? Аврора?

– Видите созвездие Ориона?

– Да... Неужели и здесь созвездия выглядят так же, как с Земли? В планетарии Города?

– Более или менее. По космическим меркам мы находимся не очень далеко от Земли и Солнечной системы, к которой она принадлежит, и поэтому карты звездного неба Земли и Авроры примерно совпадают. Солнце Авроры, Тау Кита для землян, отстоит от земного всего лишь на три целых шестьдесят семь сотых парсека. Так вот, если вы медленно проведете черту от Бетельгейзе к средней звезде в поясе Ориона и продолжите ее на чуть большее расстояние, то увидите звезду средней яркости. Это и есть Аврора. На протяжении ближайших нескольких суток она, по мере нашего приближения к ней, будет становиться все более заметной.

Бейли сосредоточенно уставился на блестящую звездочку. На нее не указывала светящаяся стрелка, над ней не из-

гибались четкие буквы названия. Он сказал:

– А где Солнце? Звезда Земли, хочу я сказать.

– В созвездии Девы, каким оно представляется с Авроры. Звезда второй величины. К сожалению, астросимулятор запрограммирован недостаточно для того, чтобы как-то выделить его для вас. Но в любом случае отсюда оно выглядит самой обычной звездой.

– Неважно, – сказал Бейли. – Я хочу выключить эту штуку. Если у меня не получится, то помоги.

У него получилось. Стоило ему подумать об этом, как изображение исчезло, и он замигал от яркого света каюты.

Только почувствовав себя совершенно нормально, Бейли вдруг сообразил, что несколько минут он ощущал себя в открытом космосе, ничем от него не отгороженным, и тем не менее его земная агорафобия не дала о себе знать! Едва он свыкся с условной бесплотностью, как все неприятные ощущения исчезли.

Эта мысль его заинтриговала и на некоторое время отвлекла от фильмокниг.

Опять и опять он включал астросимулятор и вновь созерцал космос таким, каким он выглядел бы с наблюдательного пункта вне оболочки корабля, а сам куда-то исчезал. (Мнимо, разумеется.) Иногда он включал прибор всего на минуту, просто чтобы убедиться, что неизмеримая пропасть пространства действительно не производит на него угнетающего действия. А иногда узоры звезд его завораживали. Он на-

чинал лениво их: пересчитывать или выискивал геометрические фигуры, наслаждаясь способностью заниматься тем, что на Земле было ему недоступно: там нарастающая агорафобия быстро заслонила бы все.

Мало-помалу яркость Авроры увеличивалась. Вскоре отыскивать ее среди прочих светящихся точек стало очень просто, затем еще проще, и вот она уже сразу бросалась в глаза. Узкий осколочек света быстро увеличивался, Бейли начал различать фазы, когда Аврора обрела форму почти идеального полумесяца.

На его вопрос Дэниел ответил:

– Мы приближаемся к ней не в плоскости орбиты, партнер Элайдж. Под этим углом южный полюс Авроры находится примерно в центре ее диска на освещенной стороне. В южном полушарии там сейчас весна.

– Я прочел, – сказал Бейли, – что ось Авроры имеет наклон в шестнадцать градусов. (Физическое описание планеты он пробежал, торопясь добраться до аврорианского общества, но этот факт запомнил.)

– Да, партнер Элайдж. Скоро мы войдем в плоскость орбиты, и тогда смена фаз участится, поскольку Аврора вращается быстрее Земли...

– В ее сутках ведь двадцать два часа?

– Аврорианские сутки равны двадцати двум традиционным часам с тремя десятыми. Сутки Авроры делятся на десять аврорианских часов, каждый час на сто аврорианских

минут, в свою очередь делящихся на сто аврорианских секунд. Иными словами, аврорианская секунда равна примерно одной восьмой земной секунды.

– В книгах их называют метрическими часами, метрическими минутами и так далее, верно?

– Да. Добиться, чтобы аврорианцы отказались от привычных единиц времени, было нелегко, и вначале обе системы – стандартная и метрическая – употреблялись одновременно. Затем, естественно, метрическая система одержала победу. Теперь на Авроре говорят просто «часы», «минуты», «секунды», подразумевая метрическую систему. Она принята на всех космомирах, хотя и не увязана там с вращением планеты. Разумеется, каждый космомир пользуется и местной системой измерения времени.

– Как и Земля.

– Да, партнер Элайдж. Но Земля пользуется исключительно первоначальными стандартными единицами, и это причиняет много неудобств космомирам в сфере торговли, но они не препятствуют Земле поступать по-своему.

– Не из лучших чувств, естественно. Полагаю, они только рады подчеркнуть обособленность Земли. Но как десятиричность согласуется с исчислением года? Ведь у Авроры есть период обращения вокруг ее солнца, создающий смену времен года. Как же определяется он?

– Аврора, – ответил Дэниел, – обращается вокруг своего солнца за триста семьдесят три с половиной аврорианских

суток, то есть приблизительно за девяносто пять сотых земного года. Для хронологии это существенно значимым не считается. Аврора принимает тридцать своих суток за месяц. Десять месяцев составляют метрический год. Метрический год равен примерно восьми десятым периода обращения планеты, то есть, грубо говоря, трем четвертям земного года. Разумеется, у каждой планеты это соотношение меняется. Десять суток принято называть децимесяцем. Этой системой пользуются все космомиры.

– Неужели не нашлось более удобного способа отразить смену времен года?

– Каждый мир имеет и сезонный год, но в широкое употребление эта система не вошла. С помощью компьютера очень просто найти соответствие любой даты – прошлой или будущей – с сезонными сутками, если почему-либо возникнет нужда в такой информации. И соотношение местных суток любого мира устанавливается столь же легко. И, конечно, партнер Элайдж, любой робот способен вычислить все это и направить деятельность человека, когда она как-то связана с сезонным годом или местным исчислением времени. Преимущество десятиричных единиц состоит в том, что они обеспечивают человечеству единое исчисление времени, требующее поправок не более чем на одну-две десятые.

Бейли удивило, что в просмотренных им книгах это нигде точно не объяснялось. Впрочем, из истории Земли он знал, что некогда основой календаря был лунный месяц, а затем

наступило время, когда ради более точного летоисчисления от лунного месяца отказались – и никаких следов это не оставило. В книгах о Земле, которые он мог бы предложить инопланетянину, тот, скорее всего, не нашел бы никаких упоминаний о лунном месяце или других преобразованиях календаря в прошлом. Даты давались бы без объяснений или ссылок.

А что еще давалось бы без объяснений?

Так в какой мере может он полагаться на приобретенные им сведения? Надо будет постоянно задавать вопросы и ничего не считать само собой разумеющимся.

Сколько будет случаев упустить очевидное, сколько будет шансов понять неверно, сколько будет возможностей ошибиться и избрать неправильный образ действий!

Теперь, когда Бейли включал астросимулятор, Аврора доминировала надо всем и очень напоминала Землю. (Своими глазами он Землю из космоса не видел ни разу, но внимательно ознакомился с фотографиями, иллюстрировавшими астрономические справочники.)

И теперь он видел те же конфигурации облаков, те же проблески пустынь, те же протяженности ночной тени и дневного света, те же скопления мерцающих огней по всему ночному полушарию, какие запечатлелись на космофотографиях земного шара.

Бейли жадно вглядывался в приближающуюся планету, а сам думал: что, если по неведомой причине его взяли в космос, сказали, будто он летит на Аврору, а на самом деле возвращают на Землю? По какой-то причине – тайной и безумной. Как определить до высадки, что происходит на самом деле?

Но какие у него основания для подозрений? Дэниел специально сообщил ему, что созвездия с обеих планет выглядят примерно одинаково. Но ведь так и должно быть на планетах, обращающихся вокруг соседних солнц? Общий вид их из космоса совпадает, но может ли быть иначе, раз обе они пригодны для человеческого обитания и отвечают основным нуждам человечества?

Не слишком ли нарочито предположение, что приложение столько стараний для того лишь, чтобы ввести его в заблуждение? Ради чего? Ну а вдруг впечатление нарочитости и бесполезности создается умышленно? Ведь лежи причина на поверхности, он бы сразу ее обнаружил.

Но может ли Дэниел участвовать в подобном заговоре? Будь он человеком, ответом было бы категорическое «нет!». Но он робот, и не исключено, что имеется способ продиктовать ему такое двуличное поведение.

Сделать окончательный вывод было нельзя, и Бейли поймал себя на том, что высматривает, не подскажут ли ему очертания континентов, Земля перед ним или не Земля. Это было бы решающим доказательством, но, к несчастью, недостижимым. В прорехи облачного покрова он видел только частности, которые ни о чем ему не говорили. Географию Земли он знал поверхностно и по-настоящему хорошо представлял себе только ее подземные Города – ее стальные пещеры.

То, что он успевал разглядеть, было ему незнакомо, однако с тем же успехом могло находиться на Земле, как и на Авроре.

Но откуда вообще эти подозрения?. Он же летел на Солярию и не сомневался, что летит именно туда. Ему и в голову не приходило, что его могут завернуть назад на Землю... Да, но тогда ему было дано четкое задание, вполне выполнимое. А теперь у него нет никаких шансов чего-то добиться.

Так, может, подсознательно он предпочел бы вернуться на Землю, вот и сочинил нелепый заговор, отвечающий его тайным желаниям?

Овладевшая им неуверенность словно обрела самостоятельное существование. От нее не удавалось избавиться, и он пожирал Аврору глазами, лишь бы не возвращаться к реальности своей каюты.

Аврора очень медленно вращалась.

Он так долго смотрел на нее, что успел заметить крохотное смещение. В глубинах космоса все выглядело неподвижным, как на театральном заднике, – беззвучный и статичный узор из огненных точек, среди которых позже возник полумесяц немногим больше их. Может, эта неподвижность и помогла ему преодолеть агорафобию?

Но теперь он увидел, что Аврора вращается, и понял, что корабль зашел на последние спирали перед посадкой. Облака вспухали ему навстречу...

Да нет же, нет! Не облака! Это корабль устремляется к ним. Двигается корабль! Двигается он сам! Бейли вдруг осознал свое существование. Он, он падает сквозь облака! Ничем не защищенный, он падает сквозь разреженный воздух на твердую поверхность.

Горло ему перехватила судорога. Дышать стало трудно. «Ты защищен! – в отчаянии твердил он себе. – Ты внутри оболочки корабля!»

Но никакой защитной оболочки он не ощущал. «Кроме

той оболочки, у тебя же есть оболочка собственной кожи», – подумал он. Но он не ощущал и кожи.

Это было хуже простой наготы: он – ничем не огражденная внутренняя сущность, полностью обнаженная личность, точка жизни, единственная среди распахнутой бесконечности Вселенной. И он падает!

Бейли попытался спастись от этого зрелища, стиснуть пластинку в кулаке, но ничего не произошло. Его нервные окончания настолько потеряли связь с реальностью, что усилие воли не сжало пальцы. Да у него и нет воли! Глаза не закрылись, кулак не сжался. Им овладел ужас, парализовал его.

Он осознавал только облака перед собой – белые... не совсем белые... с оранжево-золотой подсветкой...

Все слилось в сплошную серость... Он тонул. Не мог вдохнуть... Он отчаянно пытался преодолеть судорогу, позвать Дэниела...

И не мог издать ни единого звука.

Бейли дышал так, словно секунду назад разорвал грудью ленточку на финише марафона. Каюта перекосилась, его локоть упирался в какую-то твердую поверхность.

Он сообразил, что лежит на полу.

Рядом с ним на коленях стоял Жискар. Пальцы робота (упругие, но довольно холодные) охватывали его запястье. За плечом Жискара Бейли увидел распахнутую дверь каюты.

Ему не нужно было спрашивать, что произошло. Жискар схватил бессильную человеческую кисть и сжал в ней пластинку, чтобы выключить астросимулятор. Не то бы...

Бейли увидел над собой и лицо Дэниела, выразившее что-то похожее на страдание. Дэниел сказал:

– Партнер Элайдж, вы молчали. Если бы я быстрее понял, что вам плохо...

Бейли попытался жестом показать, что понял и что это неважно. Говорить он еще не мог.

Оба робота ждали, пока Бейли не сделал слабого движения, чтобы подняться, а тогда их руки тотчас подхватили его, подняли, усадили в кресло, и Жискар осторожно высвободил пластинку из его пальцев со словами:

– Мы скоро пойдем на посадку и, полагаю, астросимулятор вам больше не понадобится.

– В любом случае, его лучше унести, – добавил Дэниел.

– Погодите, – сказал Бейли таким хриплым шепотом, что сам себя не расслышал. Он с трудом кашлянул и повторил; – Погодите!.. Жискар!

Жискар вернулся.

– Слушаю, сэр.

Бейли помолчал. Раз Жискар знает, что нужен ему, он будет ждать. До бесконечности, если будет надо. Бейли попытался собраться с мыслями. Агорафобия агорафобией, но он все равно не знает, где сейчас они совершат посадку. Эта неуверенность возникла до припадка агорафобии и, возможно, дала толчок для него.

Надо узнать точно. Жискар не солжет. Робот не способен солгать, если его специально не проинструктировать. А для чего тратить время на Жискара? В спутники ему дали Дэниела. Дэниел должен был безотлучно находиться при нем. И лгать принудили бы Дэниела. Жискар – просто посылный, страж у дверей. Так зачем было бы прилагать усилия на сложное инструктирование, чтобы он мог сплести паутину лжи?

– Жискар! – Голос Бейли прозвучал почти нормально.

– Слушаю, сэр.

– Мы идем на посадку, так?

– Да. Остается несколько меньше двух часов.

Двух метрических часов, решил Бейли. А они длиннее реальных часов? Или короче? Неважно! Только лишняя путаница. Выкинь из головы.

Бейли сказал со всей резкостью, на какую был способен:

– Сейчас же назови планету, на которой мы совершим посадку!

Человек либо вовсе не ответил бы, либо ответил бы после недоуменной паузы.

Жискар ответил без запинки констатирующим тоном:

– Аврора, сэр.

– Откуда ты знаешь?

– Это порт нашего назначения. Кроме того, она не может быть, например, Землей, поскольку солнце Авроры Тау Кита имеет массу на десять процентов меньше массы земного Солнца. Поэтому Тау Кита чуть холоднее и ее свет непривычным глазам землян кажется слишком оранжевым. Возможно, вы уже ознакомились с характерным цветом солнца Авроры по отблескам на облачном слое. И, пока вы не свыкнетесь, ландшафты планеты будут казаться вам необычными.

Бейли отвел глаза от невозмутимого лица Жискара. Конечно же, он заметил оранжевый тон облаков и не придал ему никакого значения. Непростительная ошибка.

– Можешь идти, Жискар.

– Слушаю, сэр.

Бейли с досадой обернулся к Дэниелу:

– Я сваял дурака, Дэниел.

– Насколько я понял, вы проверяли, не обманываем ли мы вас, не летим ли вместо Авроры куда-то еще. У вас есть

причина для таких подозрений, партнер Элайдж?

– Никакой. Возможно, агорафобия породила смутную тревогу и я искал для нее объяснения. Правда, при виде неподвижного космического пространства я никаких неприятных ощущений не сознавал. Однако они могли таиться у самого порога сознания и воздавали тревожное чувство.

– Вина наша, партнер Элайдж. Зная ваше отвращение к открытым пространствам, мы не должны были подвергать вас астросимуляции, и, во всяком случае, следить за вами мы обязаны внимательнее.

Бейли раздраженно мотнул головой:

– Не говори так, Дэниел! С меня хватит слезки. Вопрос в том, насколько внимательно за мной будут следить на Авроре.

– Партнер Элайдж, – сказал Дэниел, – мне кажется, вам будет сложно получить свободный доступ на Аврору и к аврорианцам.

– Тем не менее такой доступ мне необходим. Установить подоплеку этого робийства я смогу, только если буду свободен собирать информацию на месте – и от людей, как-то причастных к случившемуся.

Бейли уже чувствовал себя нормально, хотя и несколько уставшим. Но, к его большому смущению, пережитое напряжение пробудило в нем острое желание выкурить трубку. А он-то думал, будто окончательно избавился от этой привычки больше года назад. И вот он прямо-таки ощущал запах и

вкус табачного дыма, проникающего через гортань в ноздри.

Что ж, придется обойтись воспоминаниями. На Авроре ему курить не разрешать. Ни на одном космомире табак не употребляется, и захвати он с собой пачку, ее забрали бы и уничтожили.

– Партнер Элайдж, – сказал Дэниел. – Это вам необходимо обсудить с доктором Фастольфом, как только мы совершим посадку. У меня нет полномочий решать такие вопросы.

– Знаю, Дэниел. Но как мне поговорить с Фастольфом? С помощью какого-нибудь эквивалента астросимулятора? С пластиной в кулаке?

– Вовсе нет, партнер Элайдж. Вы будете разговаривать лицом к лицу. Он намерен встретить вас в космопорту.

Бейли прислушивался в ожидании звуков, которые сказали бы ему, что они совершили посадку. Но какие это будут звуки? Он не знал. Он не знал устройства корабля, не знал, сколько на борту людей и что им полагается делать при посадке, и каких именно звуков следует ожидать.

Крики? Гул? Вибрирующий свист?

Он не слышал ничего.

– Партнер Элайдж, вас что-то тревожит, – сказал Дэниел. – Будет лучше, если вы сразу станете говорить мне о своих неприятных ощущениях, не откладывая. Я обязан помочь вам в тот самый момент, когда вы по какой бы то ни было причине почувствуете себя нехорошо.

Слово «обязан» было произнесено с легким нажимом.

«Его подстегивает Первый Закон, – рассеянно подумал Бейли. – Наверное, он по-своему страдал не меньше моего, когда я потерял сознание, а он не сумел вовремя этого предупредить. Пусть для меня недопустимый дисбаланс позитронных потенциалов – пустой звук, но у него в результате возникают те же неприятные ощущения и те же реакции, которые вызвала бы у меня сильная боль».

И еще он подумал: «Но откуда мне знать, что прячется под псевдокожей и в псевдосознании робота? Как и Дэниел не может знать, что происходит во мне».

И тут, терзаясь из-за того, что подумал о Дэниеле как о роботе, Бейли поглядел в его добрые глаза (когда именно они качали казаться ему добрыми?) и сказал:

– Я сразу же сообщу тебе о неприятных ощущениях. Но сейчас их у меня нет. Я просто прислушиваюсь к звукам, которые предупредили бы меня, что начинается посадка.

– Благодарю вас, партнер Элайдж, – очень серьезно произнес Дэниел, слегка наклонив голову. – Посадка никаких неприятных ощущений вызвать не должна. На вас может сказаться ускорение, но слабо, поскольку каюта оборудована так, чтобы смягчать его. Может подняться температура в каюте, но не больше чем на два градуса по шкале Цельсия. Что до звуков, то может послышаться негромкое шипение, когда мы войдем в более плотные слои атмосферы. Что-нибудь из этого способно плохо на вас подействовать?

– Вряд ли. Тревожит меня другое: что мне отказано в возможности наблюдать посадку. Я предпочел бы набраться опыта в подобных вещах. Я не желаю, чтобы меня держали взаперти и не позволяли ни с чем знакомиться.

– Но вы ведь уже убедились, партнер Элайдж, что такого рода опыт – слишком тяжелая нагрузка для вас.

– А как же я научусь с ней справляться, Дэниел? – упрямо возразил Бейли. – Разве этого достаточно, чтобы не выпускать меня отсюда?

– Партнер Элайдж, я уже объяснил, что вас не выпускают отсюда ради вашей безопасности.

Бейли мотнул головой, не скрывая злости:

– Я обдумал это. Полнейшая чепуха! Шансы, что я распу-
таю этот клубок, настолько малы, даже помимо всех накладываемых на меня ограничений, а также трудностей, с кото-
рыми я столкнусь, стараясь понять аврорианцев, что вряд ли
хоть кто-нибудь в здравом рассудке палец о палец ударит,
чтобы мне помешать. А если и так, с какой стати тратить уси-
лия, добираясь до меня, когда можно уничтожить весь ко-
рабль? Если уж мы вообразили, что нам угрожают отпетые
злодеи, так они и глазом не моргнут, покончив с кораблем,
всеми людьми на нем, с тобой и Жискаром, ну и, естествен-
но, со мной.

– Такая возможность была учтена, партнер Элайдж. Ко-
рабль был тщательно проверен. Любая попытка саботажа
была бы обнаружена.

– Ты уверен? На сто процентов?

– Полной уверенности в подобных случаях не бывает. Од-
нако Жискару и мне достаточно того, что вероятность по-
добного крайне мала и можно лететь спокойно, так как опас-
ность минимальна.

– А если вы ошиблись?

Лицо Дэниела на мгновение сморщилось, словно его про-
сили о чем-то, что нарушало ровную работу позитронных
связей его мозга.

– Но мы не ошиблись.

– Утверждать это ты не можешь. Мы заходим на посад-

ку и приближается самый опасный момент. Собственно, сейчас уже незачем уничтожать корабль. Опасность, угрожающая лично мне, особенно велика именно сейчас, в эту самую минуту. Если мне предстоит высадиться на Авроре, я не смогу и дальше прятаться в каюте. Мне придется пройти через корабль в пределах досягаемости для прочих. Вы приняли меры предосторожности на время посадки? (Он просто злился и без всяких оснований нападал на Дэниела, потому что изнывал от долгого заключения в каюте и стыдился своего обморока.)

Но Дэниел сказал спокойно:

– Да, приняли, партнер Элайдж. И, кстати, посадку мы уже совершили и находимся на поверхности Авроры.

Бейли растерялся. Он дико посмотрел по сторонам, но, естественно, не увидел ничего, кроме глухих стен каюты. Он не услышал и не почувствовал ничего из того, о чем предупредил Дэниел, Ни ускорения, ни повышения температуры, ни свиста воздуха... Или Дэниел нарочно заговорил еще раз о грозящей ему опасности, чтобы отвлечь его от других неприятных – но мелких – возможностей?

– Однако остается еще высадка. Как мне покинуть корабль, не подставив себя потенциальным врагам?

Дэниел отошел к стене и прикоснулся к ней. Стена мгновенно раскололась посередине, и половины поползли в противоположные стороны. Бейли увидел перед собой длинную трубу. Туннель.

В эту секунду в дверь вошел Жискар и сказал:

– Сэр, мы втроем пойдем по выходному проходу. Снаружи он под наблюдением. А у того конца ждет доктор Фастольф.

– Мы приняли меры предосторожности, – добавил Дэниел.

Бейли пробормотал:

– Прошу извинения, Дэниел... Жискар... – И угрюмо вошел в туннель. Заверения, что все меры предосторожности приняты, указывали, что меры эти сочтены необходимыми.

Бейли хотелось думать, что он не трус, но он был теперь на чужой планете, не имел понятия, как отличать друзей от врагов, не находил опоры в привычном и знакомом (конечно, не считая Дэниела). В решающий момент, подумал он с дрожью, у него не будет замкнутого приюта, где можно согреться и успокоиться.

Глава четвертая

Фастольф

14

Доктор Хэн Фастольф действительно ждал – и улыбался ему. Высокий, худощавый. Светло-каштановые не слишком густые волосы – и, конечно, уши. Бейли помнил их все три прошедших года. Большие уши, сильно оттопыренные, они придавали его внешности легкую комичность, симпатичную непритязательность. И улыбнуться Бейли заставили именно уши, а не приветственная улыбка Фастольфа.

Бейли мимолетно удивился; неужели медицина на Авроре не располагает средствами для такой несложной косметической операции, какой требуют эти уши? Но, может быть, Фастольфу они нравятся именно такими? Как ни странно, и ему они тоже нравятся. В лице, которое заставляет тебя улыбаться, есть что-то привлекательное.

Возможно, Фастольф дорожит приятным впечатлением, которое производит при первой встрече. Или считает полезным, чтобы его недооценивали? Или ему просто нравится быть непохожим на других.

– Детектив Элайдж Бейли, – сказал Фастольф, – я пре-

красно вас помню, хотя невольно представляю вас похожим на актера, который вас играл.

Бейли насупился:

– Эта гиперволновая постановка меня буквально преследует, доктор Фастольф. Если бы я знал, куда мне от нее бежать!

– Некуда, – любезно сказал Фастольф. – То есть в обычных обстоятельствах. Но раз она вам неприятна, мы с этой минуты исключим ее из наших бесед. Больше я ее упоминать не буду. Договорились?

– Спасибо. – С рассчитанной внезапностью он протянул Фастольфу руку.

Фастольф заметно замялся. Потом взял руку Бейли, немножко – очень недолго – подержал в своей и сказал:

– Полагаю, вы не ходячий склад инфекции, мистер Бейли. – Потом добавил, с сожалением глядя на свои ладони: – Впрочем, должен признаться, мои руки покрыты защитной пленкой, что не так уж удобно. Я порождение иррациональных страхов моего общества.

Бейли пожал плечами:

– Как и все мы. Я не в восторге от мысли, что нахожусь во Вне, то есть под открытым небом. И если на то пошло, то я не в восторге от того, что вынужден был прилететь на Аврору при данных обстоятельствах.

– Я прекрасно это понимаю, мистер Бейли. Вас ждет закрытая машина, а когда мы приедем в мой дом, будет сдела-

но все, чтобы вы оставались в замкнутом пространстве.

– Спасибо, но мне кажется, что на Авроре мне надо будет иногда оставаться во Вне. Я к этому подготовлен. Насколько возможно.

– Понимаю. Но подвергать вас Вне мы постараемся только в случае безусловной необходимости. Сейчас ее нет, так что, прошу вас, не отказывайтесь от закрытого пространства.

Машина ждала в тени туннеля. Почти не во Вне. Бейли знал, что позади него стоят Дэниел и Жискар – внешне совсем разные, но оба в позе спокойного ожидания, и оба бесконечно терпеливые.

Фастольф открыл заднюю дверцу и сказал:

– Садитесь, прошу вас.

Бейли сел. Быстро и осторожно Дэниел сел рядом с ним, а Жискар практически в тот же момент каким-то законченно танцевальным движением забрался в машину с другой стороны. Бейли оказался между ними, но это его не стеснило. Наоборот, его обрадовало, что между ним и Вне с обеих сторон находятся тела роботов.

Только никакого Вне не возникло. Фастольф сел на переднее сиденье, захлопнул дверцу, и стекла стали непроницаемо матовыми, а машину внутри залил мягкий искусственный свет. Фастольф сказал:

– Обычно я так не езжу, мистер Бейли, но ничего против не имею, а вам, наверное, это будет удобнее. Машина полностью компьютеризирована. Она знает, куда ехать, и сумеет

справиться со всеми помехами и неожиданностями. Нашего вмешательства не требуется.

Бейли ощутил еле заметный толчок, а затем плавное, почти не воспринимаемое ускорение.

– Все в полном порядке, мистер Бейли, – сказал Фастольф. – Я приложил много стараний, чтобы как можно меньше людей знало, что вы будете находиться в этой машине, и чтобы вас не смогли в ней обнаружить. Да, кстати, движется она на воздушной подушке, и мы скоро будем на месте, однако, если желаете, вы могли бы вздремнуть. Вы в полной безопасности.

– Вы говорите так, словно считаете, что мне угрожает опасность. На корабле меня для большей надежности держали взаперти. И теперь опять. – Бейли обвел взглядом тесное замкнутое пространство машины, в которой он был укрыт металлом и непрозрачным стеклом, не говоря уж о металлических телах двух роботов.

– Я, конечно, перебарщиваю. – Фастольф засмеялся. – Но обстановка на Авроре накаленная. Вы приехали в разгар кризиса, и я предпочту выглядеть несколько смешным, принимая излишние меры, лишь бы избежать риска, которым чреват любой недосмотр.

– По-моему, вы понимаете, доктор Фастольф, что моя неудача здесь обернется тяжелым ударом для Земли, – сказал Бейли.

– Я прекрасно это понимаю и не меньше вас хочу, чтобы

вы добились успеха, поверьте мне.

– Верю. И еще: моя неудача тут, по какой бы ни было причине, означает конец моей карьеры на Земле и тяжелые перемены в личной жизни.

Фастольф обернулся и растерянно посмотрел на Бейли:

– Неужели? Но для этого нет причин.

– Согласен, однако так будет. Я окажусь идеальным козлом отпущения для земного правительства в его отчаянном положении.

– Я совершенно не представлял себе ничего подобного, когда просил, чтобы вас прислали сюда, мистер Бейли. Не сомневайтесь, я сделаю все, что в моих силах. Хотя, если быть честным (он отвел глаза), в случае нашей неудачи сделать я смогу немного.

– Знаю, – угрюмо ответил Бейли, откинулся на мягкую спинку и закрыл глаза. Движение машины было еле заметным и убаюкивающим, но Бейли не заснул. Он только сосредоточенно размышлял – другого ведь не оставалось.

Когда они приехали, Бейли опять избежал соприкосновения со Вне. Из машины он вышел в подземном гараже, и маленький лифт поднял его на – как оказалось – первый этаж.

Его проводили в солнечную комнату, и, пересекая прямые солнечные лучи (действительно оранжевые), он поежился.

Фастольф заметил это и поспешил сказать:

– Полностью заматовать окна нельзя, но они затемняются, и, если хотите, я их затемню. Собственно, мне следовало сообразить...

– Не надо, – ответил Бейли ворчливо. – Просто я сяду к ним спиной. Нужно привыкать!

– Как угодно. Но если вам станет неприятно, сразу же скажите мне... Мистер Бейли, сейчас здесь, в этой части Авроры позднее утро. Не знаю, каким был распорядок на корабле. Но если вы не спали уже много часов и хотели бы отдохнуть, то пожалуйста. А если не хотите спать и не голодны, то завтракать вам необязательно. Однако если вы не прочь, то прошу вас позавтракать со мной через несколько минут.

– Это совпадает с распорядком на корабле.

– Прекрасно. Хочу напомнить вам, что наш день на семь процентов короче земного. Это не должно бы сказаться на ваших биоритмах, но в случае необходимости мы постараемся приспособиться к ним.

– Благодарю вас.

– И еще одно... Не знаю, какую еду вы предпочитаете.

– Буду есть все, что мне подадут.

– И все-таки... Я не обижусь, если что-то покажется вам несъедобным.

– Благодарю вас.

– Вы не станете возражать, если Дэниел с Жискаром присоединятся к нам?

– Они тоже будут есть? – Бейли слегка улыбнулся.

Но Фастольф не ответил ему улыбкой, а сказал серьезно:

– Нет. Но я хочу, чтобы они все время были с вами.

– Опасность? Даже здесь?

– Я ни на что полностью не полагаюсь. Даже здесь.

– Сэр, завтрак подан, – доложил вошедший робот.

Фастольф кивнул:

– Хорошо, Фабер. Мы сядем за стол через несколько минут.

– Сколько у вас роботов? – спросил Бейли.

– Довольно много. Мы не достигли уровня Солярии: десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их больше, чем в среднем имеют мои сограждане. Пятьдесят семь. Дом большой, и в нем помещаются и моя приемная, и моя мастерская. Ну и моей жене – когда у меня есть жена, – необходимо отдельное крыло, изолированное от мастерской, а также своя прислуга.

– Ну, из полсотни роботов вы, пожалуй, можете посту-

питься двумя. Теперь я чувствую себя менее виноватым, что вам пришлось остаться без Жискара и Дэниела, когда вы отравили их за мной.

– Уверю вас, мистер Бейли, это был не случайный выбор. Жискар мой мажордом и моя правая рука. Он со мной со времен моей молодости.

– И все-таки вы послали его проводить меня на Аврору, – сказал Бейли. – Я очень польщен.

– Просто доказательство вашей важности, мистер Бейли. Жискар – самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Бейли покосился на Дэниела, и Фастольф добавил:

– Моего друга Дэниела я в эти расчеты не включаю. Он не мой слуга, а мой триумф, и я им бесконечно горжусь. Он первый в своей категории, а доктор Родж Наменну Сартон был его дизайнером и моделью. Тот человек, который...

Он тактично умолк, но Бейли отрывисто кивнул и проворчал:

– Знаю.

Фразу не нужно было доканчивать: он помнил, что Сартон был убит на Земле.

– Сартон занимался конструированием, – продолжал Фастольф, – но создание Дэниела сделали возможным мои теоретические выкладки. – Он улыбнулся Дэниелу, и тот чуть наклонил голову в знак признательности.

– Но ведь был еще Джендер, – напомнил Бейли.

– Да. – Фастольф покачал головой и опустил глаза. – Наверное, мне следовало бы оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это немножко другое. Дэниел, фигурально выражаясь, был моим первенцем, особым во всех отношениях.

– И теперь вы уже не создаете человекоподобных роботов?

– Нет. Но идемте, – сказал Фастольф, потирая ладони. – Пора поесть. По-моему, мистер Бейли, население Земли не привыкло к натуральным продуктам питания. Нас ждет салат из креветок, хлеб, сыр, молоко, если вы пожелаете, или фруктовый сок по вашему выбору. А на сладкое мороженое.

– Традиционные земные блюда, – заметил Бейли, – которые теперь существуют в своей первоначальной форме только в древней земной литературе.

– На Авроре они тоже редкость, но было бы неразумно предлагать вам наши изысканные блюда, основу которых составляют аврорианские пищевые продукты и пряности. К ним надо приобрести вкус. – Он встал. – Прошу вас, мистер Бейли. Мы будем вдвоем и обойдемся без церемоний и застольных ритуалов.

– Спасибо – сказал Бейли. – Я считаю это большой любезностью с вашей стороны. Во время полета я развлекался, изучая видеоматериалы об Авроре, и знаю, что совместная еда подразумевает особый церемониал, который меня просто пугает.

– И напрасно.

– А не могли бы мы, – спросил Бейли, – нарушить правила вежливости даже еще больше, доктор Фастольф, и поговорить за столом о делах? Мне не следует терять времени.

– Я разделяю вашу точку зрения. Да, мы займемся обсуждением наших дел, и, полагаю, вы никому не выдадите, что я допустил подобное нарушение этикета. Мне не хотелось бы, чтобы двери светского общества для меня закрылись. – Он засмеялся, но тут же посерьезнел. – Только смеяться мне не следовало бы. Тут не до смеха. Напрасная трата времени в данном случае легко может стать роковой.

Комната, в которой происходил этот разговор, была скудно обставлена: несколько стульев, бюро, какой-то похожий на рояль инструмент, но с латунными клапанами вместо клавиш. Стены покрывал мерцающий узор, пол был выложен квадратами коричневого цвета, но разных оттенков, возможно, под дерево, и блестел, словно только что натертый. Однако подошвы по нему не скользили.

Столовая, расположенная на том же этаже, оказалась совсем другой. Она представляла собой вытянутый прямоугольник, всячески изукрашенный. Шесть больших квадратных столов, которые можно было расставлять в любой конфигурации, у одной короткой стены – бар со множеством разноцветных сверкающих бутылок, а за ними выгнутое зеркало, словно удлиняющее комнату в бесконечность. В четырех нишах другой короткой стены ждали роботы.

Обе длинные стены были выложены мозаиками, цвета которых медленно изменялись. Одна изображала планетарные пейзажи, но Бейли не мог решить, Аврора это, какой-нибудь другой мир или просто плод воображения. В дальнем конце поле пшеницы (или какого-то другого растения) убирали нарядные машины, управляемые только роботами. Затем взгляд скользил по разбросанным человеческим жилищам, которые у другого конца стены образовали, как решил Бей-

ли, аврорианский Город.

Вторая длинная стена представляла космическую панораму. Бело-голубая планета, озаряемая отдаленным солнцем, отражала свет таким образом, что, лишь внимательно всмотревшись, можно было избавиться от иллюзии, будто она медленно вращается. Окружающие звезды – одни чуть заметные, другие яркие, – тоже словно меняли свое расположение, хотя стоило сосредоточить взгляд на одной мелкой группе, и оказывалось, что звезды в ней неподвижны.

Бейли оба панно показались перегруженными и неприятными.

– Подлинное произведение искусства, мистер Бейли, – сказал Фастольф. – Обошлось дороже, чем оно того стоило, но Фанья настояла... Фанья моя нынешняя подруга.

– Она присоединится к нам, доктор Фастольф?

– Нет, мистер Бейли. Как я и сказал, мы будем завтракать вдвоем. Я попросил ее временно оставаться в своем крыле. Мне не хотелось бы обременять ее проблемой, которой мы с вами занимаемся. Вы понимаете, я надеюсь?

– Ну конечно.

– Прошу вас, садитесь.

Один из столов был накрыт на два прибора. Тарелки, чашки, разнообразные ножи и вилки (Бейли знал назначение далеко не всех), а в центре стола – витой цилиндр, несколько напоминавший огромную пешку, вырезанную из серого камня. Бейли не удержался и потрогал цилиндр.

– Это комбисудок. Он очень прост в обращении и позволяет добавить в кушанье или какую-то его часть заданное количество различных специй и отдельно, и в десятках сочетаний. Его полагается взять в руку и проделать с ним довольно сложные трюки, сами по себе бесполезные, но очень ценные в светском обществе Авроры как символ изящества и деликатности, с каким следует вести себя за столом. Я, когда был моложе легко проделывал тройной переброс с помощью трех пальцев и в заключение на ладони у меня оказывалась щепотка соли. Но решишь я на что-либо подобное теперь, то рисковал бы посадить своему гостю синяк. Надеюсь, вы извините меня, если я обойдусь без этого ритуала.

– Прошу, доктор Фастольф, обойдитесь без него!

Робот поставил на стол салат, второй подал поднос с фруктовыми соками, третий принес хлеб и сыр, четвертый разложил салфетки. Все четверо двигались в слаженном ритме, словно исполняли сложный танец, и ни разу не сбились с темпа, не помешали друг другу. Бейли следил за ними в полном изумлении.

Когда они завершили приготовления, то каждый оказался у одной из сторон стола. Они разом отступили на шаг, разом поклонились и, разом повернувшись, отошли в ниши в глубине столовой. И тут Бейли увидел Дэниела с Жискарром. Он не заметил, как они вошли и встали в двух нишах, возникших среди пшеничного поля. Дэниел стоял ближе к нему.

– Теперь, когда они ушли... – начал было Фастольф,

умолк и виновато покачал головой. – Только они не ушли. Принято, чтобы роботы покидали комнату до того, как люди приступят к еде. В отличие от людей, роботы в пище не нуждаются. Поэтому логично, чтобы те, кто ест, ели, а кто не ест, уходили. И в конце концов это превратилось в еще один ритуальный обычай. Теперь и помыслить нельзя о том, чтобы приступить к еде, пока роботы находятся в столовой. Ну невозможно! Однако, учитывая обстоятельства...

– Им пришлось остаться, – закончил Бейли.

– Да. Я решил, что безопасность важнее этикета, и еще я решил, что вы не аврорианец, и вас это не шокирует.

Бейли ждал, чтобы Фастольф сделал первый ход. Фастольф взял вилку, и Бейли тоже взял вилку. Фастольф пустил вилку в ход, неторопливо, так чтобы Бейли мог следить за ним без помех.

Бейли осторожно раскусил креветку и мысленно облизнулся, Вкус напомнил ему земную креветочную пасту, но насколько же креветка была сочнее и восхитительнее! Он медленно ее пережевывал и, забыв нетерпеливое желание начать расследование здесь же за столом, предался гастрономическому блаженству, не в силах его прервать.

И первый ход сделал Фастольф.

– Не приступить ли нам к решению задачи, мистер Бейли? Бейли почувствовал, что краснеет.

– Да-да. Разумеется. Прошу у вас извинения, но ваша аврорианская пища меня настолько поразила, что я просто не

мог думать ни о чем другом. А задача ведь создана вами, доктор Фастольф, верно?

– Почему вы так считаете?

– Кто-то совершил робийство способом, требующим высочайшей квалификации. Так по крайней мере меня информировали.

– Робийство? Забавный термин. – Фастольф улыбнулся. – Конечно, я понимаю, что вы под ним подразумеваете. И вас информировали правильно: способ требует невероятной квалификации.

– И ею обладаете только вы... как меня информировали.

– И это тоже верно.

– Даже сами вы признаете... точнее, категорически настаиваете, что одни вы могли вызвать у Джендера умственную заморозку.

– Я говорю только чистую правду, мистер Бейли. Лгать было бы глупо, даже если бы я не побрезговал унизиться до лжи. Ведь я признан самым выдающимся знатоком теоретической робопсихологии на всех пятидесяти мирах.

Тем не менее, доктор Фастольф, разве второй после вас выдающийся робопсихолог... или третий... или пятнадцатый не может обладать достаточными знаниями, которые позволили бы совершить это робийство? Неужели тут требуется квалификация самого лучшего?

– Я считаю, – невозмутимо ответил Фастольф, – что оно бесспорно требует максимум квалификации от самого луч-

шего специалиста. Собственно, на мой взгляд, даже я сумел бы это сделать лишь в особо удачный день. Не забывайте, что лучшие умы в области робопсихологии (включая меня) специально стремились создать позитронный мозг, который было бы невозможно довести до умственной заморозки.

– Вы уверены? По-настоящему уверены?

– Абсолютно.

– И объявили это публично?

– Естественно. Было проведено публичное расследование, дорогой мой землянин. Мне задавали те же вопросы, какие сейчас задали вы, и я отвечал правдиво. Так принято на Авроре.

– Я не сомневаюсь, – сказал Бейли, – что вы отвечали правдиво, насколько вам представляется. Но не могло ли на вас повлиять самолюбие? Естественная гордость за себя? Ведь и это может быть типичным для аврорианца, не так ли?

– Вы спрашиваете, не заставило ли меня желание слыть лучшим в своей области добровольно внушить всем, что только я мог довести Джендера до заморозки?

– Почему-то мне кажется, что вы готовы пожертвовать своим политическим влиянием и положением в обществе ради сохранения своей репутации как ученого.

– Ах так. У вас интересная манера мыслить, мистер Бейли. Мне бы подобное и в голову не пришло. Значит, по-вашему, окажись я перед выбором: признать себя не самым лучшим специалистом или признаться, что я виновен в робий-

стве, как вы это называете, я бы сознательно выбрал второе!

– Нет, доктор Фастольф, я представляю себе это совсем не так упрощенно. Разве не может быть, что вы обманываете себя, считая, будто вы далеко превосходите остальных робопсихологов, будто у вас нет и не может быть соперников, и вы отчаянно цепляетесь за эту веру, поскольку бессознательно, повторяю, бессознательно, доктор Фастольф, знаете, что другие уже равны вам или даже вас превосходят?

Фастольф засмеялся, но в его смехе проскользнуло раздражение.

– Ничего подобного, мистер Бейли. Вы попали пальцем в небо.

– Подумайте, доктор Фастольф. Вы абсолютно уверены, что никто из ваших коллег не способен с вами сравниться?

– Таких, кто хоть что-то знает о человекоподобных роботах, крайне мало. Создание Дэниела положило начало совершенно новой профессии, у которой даже названия нет. На Авроре кроме меня нет ни одного робопсихолога, понимающего, как работает позитронный мозг Дэниела. Доктор Сартон понимал. Но он умер. А кроме того, в этом он разбирался хуже меня. Ведь теория разработана мной.

– Так, конечно, и было, но ведь вы не можете сохранять за собой исключительное право собственности на нее. Неужели с ней никто не знаком?

Фастольф отрицательно покачал головой:

– Никто. Я никого ей не обучал, и я хотел бы посмотреть,

как кто-нибудь из ныне живущих робопсихологов попробовал бы самостоятельно ее разработать!

Бейли спросил досадливо:

– А что, если есть талантливый молодой человек, только что с университетской скамьи, еще никому неизвестный, но...

– Нет, мистер Бейли. Нет. О таком молодом человеке я бы знал. Он бы стажировался в моей лаборатории, он бы какое-то время работал со мной. В данный момент такого молодого человека не существует. Со временем он появится, и возможно, не один. Но пока его нет!

– Значит, если бы вы умерли, новая наука умерла бы с вами?

– Мне всего только сто шестьдесят пять лет. Естественно, по метрическому календарю, то есть по вашему земному счету мне примерно сто двадцать четыре года. По меркам Авроры я еще относительно молод, и никаких медицинских оснований полагать, что я прожил хотя бы половину своей жизни. Не так уж редко люди доживают до четырехсот лет – метрических, естественно. У меня еще достаточно времени, чтобы найти себе учеников.

Они кончили есть, но продолжали сидеть за столом. И никто из роботов не подошел убрать со стола. Казалось, напряженный обмен репликами двух людей совершенно их обездвигил.

Прищурившись, Бейли сказал:

– Доктор Фастольф, два года назад я побывал на Солярии. Там у меня создалось четкое впечатление, что соляриане в целом – самые искусные робопсихологи и робоконструкторы на всех космомирах.

– В целом, пожалуй, и так.

– И никто из них не мог бы это сделать?

– Никто, мистер Бейли, Искусность их ограничивается роботами, которые в лучшем случае модернизированы не больше моего бедного надежного Жискара. Соляриане не имеют понятия о конструировании человекоподобных роботов.

– Но как вы можете быть в этом уверены?

– Вы ведь были на Солярии, мистер Бейли, и, следовательно, знаете, что соляриане избегают всяких личных контактов и общаются друг с другом исключительно с помощью трехмерной проекции, кроме абсолютно неизбежных встреч для совершения полового акта. И вы думаете, что кому-то из них могла прийти мысль создать робота, настолько внешне неотличимого от человека, что его вид их невыносимо раздражал бы? Сходство с человеком заставило бы их избегать его, а в таком случае для чего бы он им понадобился?

– Ну а если есть отдельные соляриане, которых человеческое тело не отталкивает? Вы же не станете отрицать такой возможности?

– Я и не отрицаю, но в этом году на Авроре не было граждан Солярии.

– Ни одного?

– Ни одного! Контакт с аврорианцами им тоже неприятен, и сюда они прилетают в крайне редких случаях, если того требуют дела. Они избегают посещать и все остальные миры. А уж если вынуждены прилететь, то остаются на орбите и ведут переговоры с нами с помощью электроники.

– В таком случае, – сказал Бейли, – если вы и только вы – тот единственный человек на всех мирах, кто мог бы это сделать, Джендер был убит вами?

– Не верю, чтобы Дэниел не поставил вас в известность, что я это отрицаю.

– Он мне сказал, но я хотел услышать, что скажете вы.

Фастольф скрестил руки на груди и нахмурился. Потом процедил сквозь стиснутые зубы:

– Хорошо, я скажу вам: я этого не делал.

Бейли покачал головой:

– Я верю, что вы верите своим словам.

– Верю. И совершенно искренне. Я говорю правду. Я не убивал Джендера.

– Но если вы этого не делали, а никто другой сделать этого не мог, значит... Погодите. Не исключено, что я сделал необоснованный вывод. Джендер действительно мертв или меня вызвали сюда под ложным предлогом?

– Робот действительно уничтожен. Вы сможете без помех увидеть его – если, конечно, Законодательное собрание до истечения дня не запретит мне доступ к нему. Но, полагаю, они этого не запретят.

– В таком случае, если вы этого не делали и никто другой сделать этого не мог, а робот действительно мертв, то кто же совершил это преступление?

Фастольф вздохнул:

– Полагаю, Дэниел сообщил вам, что я утверждал при расследовании, но вы желаете услышать это из моих уст.

– Совершенно верно, доктор Фастольф.

– Ну так никто этого преступления не совершал. Умственная заморозка Джендера была вызвана какой-то внутренней неполадкой в позитронных связях.

– Велика ли вероятность такой неполадки?

– Крайне мала. Но раз я тут ни при чем, произойти могло только это.

– Но не логично ли предположить, что вероятность того, что вы лжете, заметно больше вероятности неполадки?

– Многие предполагают именно это. Но мне известно, что я этого не делал, следовательно, неполадка остается единственным возможным объяснением.

– И вы затребовали меня сюда для того, чтобы я доказал, что причиной действительно была неполадка?

– Да.

Но как можно это доказать? А ведь очевидно, что и вас, Землю и себя я могу, только отыскав доказательства.

– По нарастающей важности, мистер Бейли?

Бейли поморщился:

– Ну, пусть вас, меня и Землю.

– Боюсь, – сказал Фастольф, – что по зрелом размышлении я пришел к выводу, что доказать это невозможно.

Бейли в ужасе уставился на Фастольфа:

– Невозможно?!

– Никак невозможно. – И тут словно в припадке внезапной рассеянности Фастольф взял комбисудок. – Знаете, мне хочется проверить, сумею ли я и теперь сделать тройной переброс.

Резким, точно рассчитанным рывком кисти Фастольф подбросил судок так, что он перевернулся в воздухе, и подставил под узкий конец ребро правой ладони, прижав к ней большой палец. Судок снова взлетел, покачиваясь, и был подкинут ребром левой ладони, перелетел по дуге в обратную сторону, ударился о ребро правой ладони, затем о ребро левой. После этого – третьего – переброса он был подкинут так резко, что снова перевернулся, Фастольф поймал его правой рукой, подставляя левую ладонь. Зажав судок в кулаке, он показал Бейли левую ладонь с поблескивающей кучкой соли на ней.

– С научной точки зрения, – сказал Фастольф, – просто мальчишеское хвастовство, и затраченные усилия предельно непропорциональны цели – получению щепотки соли. Однако хороший хозяин дома на Авроре гордится таким умением жонглировать. Есть специалисты, способные перекидывать судок полторы минуты, двигая руки с такой быстротой, что

за ними трудно уследить.

– Бесспорно, – задумчиво прибавил он, – Дэниел способен перекидывать судок гораздо изящнее и быстрее любого человека. Я давал ему такое задание, когда проверял ответственность его мозговых связей, но позволить ему продемонстрировать такую способность зрителям было бы величайшей ошибкой. Это без всякого толку унизило бы судочников – разговорное их название которого ни в одном словаре вы не найдете.

Бейли буркнул что-то невнятное.

– Но нам следует вернуться к делу, – вздохнул Фастольф.

– Ради которого по вашему настоянию я пролетел несколько парсеков.

– Совершенно верно. Ну так продолжим.

– Вы ведь не просто из тщеславия показали мне свое искусство, доктор Фастольф, – сказал Бейли.

– Мы зашли в тупик. Я вызвал вас сюда сделать, то, чего сделать нельзя. Выражение вашего лица было достаточно красноречивым, и, честно говоря, у меня на душе тоже кошки скребли. И потому я счел, что нам не помешает немного передохнуть. А теперь продолжим.

– Разговор о невыполнимой задаче?

– Но не для вас, мистер Бейли. Вы же слывете специалистом по невозможному.

– Гиперволновка? Вы поверили этому дурацкому перетолкованию того, что произошло на Солярии?

Фастольф развел руками:

– У меня нет выбора.

– Как и у меня, – сказал Бейли. – Я должен попытаться. Вернуться на Землю с неудачей я не могу. Это мне дали понять со всей ясностью. Так объясните мне, доктор Фастольф, как могли убить Джендера? Что требовалось проделать с его сознанием?

– Мистер Бейли, не представляю, как бы я мог объяснить это даже другому робопсихологу, – а вы ведь не робопсихолог! – даже если бы намеревался обнародовать свою теорию, чего совсем делать не намерен. Однако кое-что растолковать вам я, пожалуй, смогу... Вам, конечно, известно, что роботы были изобретены на Земле.

– Робопсихология и роботехника на Земле не в чести...

– Космомиры полностью осведомлены о земном предрешении против роботов.

– Однако земное происхождение роботов очевидно для всякого землянина, который потрудится хоть немного подумать. Всем известно, что гиперпространственные полеты были осуществлены с помощью роботов, а поскольку космомиры не могли быть заселены до начала гиперпространственных полетов, значит, роботы существовали до их заселения, когда Земля еще оставалась единственной планетой, где обитали люди. Следовательно, роботы были изобретены на Земле и землянами.

– Однако Земля этим не гордится, так?

– Мы этого не обсуждаем, – буркнул Бейли.

– И земляне ничего не знают о Сьюзен Кэлвин?

– Я встречал ее фамилию в старинных книгах. Она была в числе пионеров робопсихологии.

– И это все, что вы о ней знаете?

Бейли пожал плечами:

– Наверное, я мог бы узнать больше, порывшись в архивных документах, но у меня не было в этом надобности.

– Как странно! – сказал Фастольф. – Для всех космонавтов она – богиня, и думаю даже, что, кроме узких специалистов, никто из них не представляет ее себе уроженкой Земли. Такая мысль показалась бы кощунством. И они не поверили бы, если бы им сообщили, что она умерла, не прожив и ста метрических лет. А для вас она всего лишь одна из числа пионеров робопсихологии!

– Она имеет какое-то отношение к нашей проблеме, доктор Фастольф?

– Косвенное. Учтите, что вокруг ее имени родилось множество легенд. По большей части это чистые измышления, но они неразрывно с ней связаны. Одна из самых знаменитых легенд (и наименее правдоподобная) касается робота, сконструированного в ту раннюю эпоху. Благодаря какой-то случайности при сборке он оказался наделенным телепатическими способностями...

– Что-о!

– Это же легенда, как я вам объяснил, и, несомненно, лжи-

вая. Хотя, учтите, существуют теоретические предпосылки, допускающие подобную возможность, но пока еще никто не предложил практической схемы, которая позволила бы создать такого робота. А о том, что подобная способность оказалась присуща примитивному позитронному мозгу в догиперпространственную эру, и речи быть не может. Вот почему мы абсолютно уверены, что данное сказание – чистая выдумка. Но тем не менее разрешите мне продолжать, потому что у этой истории есть мораль.

– Продолжайте, прошу вас.

– Этот робот, как гласит сказание, умел читать мысли. И когда ему задавали вопросы, он читал мысли спрашивающего и говорил именно то, что спрашивающему хотелось услышать. Первый Закон ясно и недвусмысленно запрещает роботу причинять вред человеку или бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Обычный робот понимает этот вред как физический. Робот же, способный читать мысли, несомненно решил бы, что разочарование, гнев или любое другое тягостное чувство делают человека, их испытывающего, несчастным, и вызвать их – значит причинить ему вред. А потому, предполагая, что правда может огорчить или рассердить спрашивающего, пробудить в нем зависть, сделать его несчастным, робот-телепат подменил бы истину приятной ложью. Понимаете?

– Конечно.

– И робот лгал даже самой Сьюзен Кэлвин. Долго так про-

должаться не могло, поскольку разным людям говорились разные вещи, не только не согласующиеся друг с другом, но и не подкрепляемые объективной реальностью. Сьюзен Кэлвин обнаружила, что робот ей лгал и что из-за его лжи она попала в крайне тягостное положение. То, что вначале причинило бы ей лишь некоторое разочарование, теперь из-за ложных надежд обернулось нестерпимой болью... Вы действительно не знаете эту историю?

– Даю вам слово.

Поразительно! Однако родилась она не на Авроре, поскольку бытует на всех космомирах... Как бы то ни было, Кэлвин отомстила. Она указала роботу, что скажет ли он правду или солжет, человеку, с которым он разговаривает, неизбежно будет причинен вред. И любое его действие окажется нарушением Первого Закона. Осознав это, робот укрылся от неразрешимой дилеммы в полном бездействии. Его позитронные связи, если вам нравится цветистость, мгновенно испепелились. В его мозгу произошло необратимое разрушение. Согласно легенде, последним словом Сьюзен Кэлвин, обращенным к роботу, было «Лжец!»

– Если я понял правильно, – сказал Бейли, – что-то подобное произошло и с Джендером Пэнеллом. Он столкнулся с неразрешимым противоречием, и его мозг испепелился?

– Да, впечатление создается именно такое. Однако теперь поставить робота в подобное положение далеко не так просто, как в дни Сьюзен Кэлвин. Робопсихологи (возможно,

из-за этой легенды) всегда принимали самые тщательные меры, чтобы подобное противоречие не могло возникнуть. Теория позитронного мозга развивается, модели его все более усложняются, а параллельно создаются все более надежные системы защиты, рассчитанные на то, чтобы в любой ситуации противодействующие факторы не уравнивались, оставляя, возможность для какого-то действия, которое можно было бы истолковать как выполнение Первого Закона.

– Следовательно, испепелить мозг робота невозможно. Вы это хотите сказать? Но тогда что произошло с Джендером?

– Нет, этого я сказать не хочу! Все более надежные системы, о которых я говорю, абсолютной надежности не гарантируют и не могут гарантировать. Каким бы сложным и тонко мыслящим ни стал мозг, всегда найдется способ создать неразрешимое противоречие. Это математическая истина. Никогда не удастся создать настолько тонко мыслящий и защищенный мозг, чтобы свести возможность противоречия к нулю. К очень малой степени – да, но не к полному нулю. Однако системы настолько приближаются к нулю, что создание условий для умственной заморозки требует глубочайшего понимания конкретного позитронного мозга. А для этого необходим очень умный теоретик.

– Вроде вас, доктор Фастольф?

– Вроде меня. А если речь идет о человекоподобном роботе, так есть только я один.

– Или вообще нет никого, – заметил Бейли с тяжеловесной иронией.

– Или вообще никого. Вот именно, – ответил Фастольф, словно не заметив иронии. – Человекоподобные роботы обладают мозгом, да и телом, могу я прибавить, сформированными сознательно по образцу человеческих. Позитронный мозг – чрезвычайно тонкий механизм и, естественно, в определенной мере обладает хрупкостью человеческого мозга. Как у человека может произойти инсульт в результате какого-то внутреннего процесса и без всякого внешнего воздействия, так и человекоподобный мозг может по чистой случайности – непроизвольного дрейфа позитронов – впасть в умственную заморозку.

– Вы можете доказать это, доктор Фастольф?

– Могу продемонстрировать это математически, но отнюдь не все из тех, кто способен разобраться в формулах, согласятся с ходом моих рассуждений. В них включены некоторые мои предположения, которые не согласуются с общепринятыми положениями робопсихологии.

– Насколько вероятна самопроизвольная умственная заморозка?

– Если взять большое количество человекоподобных роботов, например сто тысяч, то почти наверное у одного из них на протяжении среднего срока жизни аврорианца произойдет самопроизвольная заморозка. Но произойти это может и много раньше, вот как с Джендером, хотя вероятность

будет несравненно меньше.

– Послушайте, доктор Фастольф! Даже если вы сумеете неопровержимо доказать, что робот в принципе может пострадать от самопроизвольной заморозки, отсюда еще не следует, что именно это произошло конкретно с Джендером конкретно в этот момент.

– Да, – признал Фастольф. – Вы совершенно правы.

Вы, величайший эксперт в области робопсихологии, не можете доказать, что Джендер оказался жертвой именно такой случайности.

– Опять-таки вы совершенно правы.

– Так как же вы можете требовать этого от меня, когда я ничего не смыслю в роб о психологии?

– Но ведь доказывать ничего не надо. Разве не достаточно выдвинуть хитроумное предположение, которое убедит широкую публику в возможности самопроизвольной заморозки?

– Например?

– Я не знаю.

– Вы уверены, что не знаете, доктор Фастольф? – резко спросил Бейли.

– Как это? Я же только что сказал вам, что не знаю.

– Разрешите, я укажу вам кое на что. Полагаю, аврорианцам в целом известно, что я прилетел на планету для разрешения загадки. Было бы трудно привезти меня втайне, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

– Бесспорно. И я не делал из этого никакой тайны. Я посоветовался с председателем Законодательного собрания и добился от него разрешения привезти вас сюда. Именно таким образом мне удалось настоять на отсрочке разбирательства. Вам дают возможность найти разгадку, прежде чем я предстану перед судом. Сомневаюсь, что они дадут мне много времени.

– Так я повторяю: аврорианцы в целом знают, что я здесь, и, полагаю, совершенно точно знают, для чего. Чтобы разгадать загадку смерти Джендера.

– Разумеется. Какая еще могла быть причина?

– И с той минуты, когда я поднялся на корабль, доставивший меня сюда, вы держали меня под постоянным и неусыпным надзором из опасения, что ваши враги попытаются меня убить, так как считают, будто я чудодей, разгадаю загадку и обеспечу вам победу, несмотря на все стоящие передо мной трудности.

– Боюсь, что такая возможность не исключена.

– Допустим, некто, не желающий, чтобы загадка была разгадана и вы вышли из положения с честью, все-таки сумеет меня убить. Не пойдет ли это вам на пользу, доктор Фастольф? Ведь люди предположат, будто ваши враги предполагали, что вы не виновны, а то почему бы им понадобилось препятствовать расследованию и убивать меня?

– Слишком сложно, мистер Бейли. Не исключаю, что при умении вашу смерть можно было бы использовать для такой

цели, но ведь этого не произойдет. Вы надежно защищены, и вас не убьют.

– Но для чего защищать меня, доктор Фастольф? Почему не позволить, чтобы они меня убили, и не использовать мою смерть для своей победы?

– Потому что я предпочитаю, чтобы вы остались живы и сумели неопровержимо доказать мою невиновность.

– Но вы же знаете, что доказать вашу невиновность не в моих силах, – возразил Бейли.

– А вдруг? У вас достаточно побудительных причин. От того сумеете вы или нет, зависит благополучие Земли, а также, по вашим словам, ваша собственная карьера.

– *Что* толку от побудительных причин? Если вы потребуете, чтобы я замахал руками и полетел, объяснив, что в случае неудачи я умру под пыткой, а Земля будет взорвана и все ее население уничтожено, у меня будут крайне веские причины взмахнуть руками и полететь. Но все равно я не полечу.

– Я знаю, что шансы невелики, – сказал Фастольф неуверенно.

– Вы знаете, что они равны нулю, – яростно воскликнул Бейли. – И что спасти вас может только моя смерть.

– В таком случае для меня нет спасения, потому что я забочусь, чтобы мои враги до вас не добрались.

– Но сами вы можете до меня добраться.

– Что?

– Мне пришла мысль, доктор Фастольф, что вы-то вполне

можете меня убить таким образом, чтобы убийство приписали вашим врагам. Тогда вы используете мою смерть против них. Ради этого вы и затребовали меня на Аврору.

Секунду Фастольф смотрел на Бейли с недоумением, потом от внезапного бешеного гнева его лицо покраснело и свирепо исказилось. Схватив со стола комбисудок, он замахнулся, готовясь метнуть его в Бейли.

А Бейли, захваченный врасплох, только в ужасе прижался к спинке стула.

Глава пятая

Дэниел и Жискар

18

Как ни быстры были движения Фастольфа, Дэниел оказался быстрее.

Бейли, который забыл о присутствии роботов, увидел и услышал что-то стремительное, смутное, а затем рядом с Фастольфом Дэниела. Держа в руке судок, робот говорил:

– Надеюсь, доктор Фастольф, я не причинил вам вреда?

Как во сне Бейли обнаружил, что с другого бока от Фастольфа шагах в двух стоит Жискар, а четыре робота покинули свои ниши и очутились почти у обеденного стола.

Волосы Фастольфа были растрепаны. Он сказал слегка прерывающимся голосом:

– Нет, Дэниел. Ты отлично справился, – Он добавил погромче: – Вы все отлично справились, но помните: никаких промедлений, даже если это касается меня.

Он засмеялся и снова сел, проводя рукой по волосам.

– Извините, мистер Бейли, – сказал он, – но мне показалось, что наглядная демонстрация будет убедительнее любых моих слов.

Бейли, чей мгновенный ужас был чисто рефлексивным, расстегнул воротничок и ответил с легкой хрипотцой в голосе:

– Боюсь, я ожидал слов, но согласен, что демонстрация получилась очень убедительная. Рад, что Дэниел находился достаточно близко, чтобы вас обезоружить.

– Они все были достаточно близко, чтобы обезоружить меня, но Дэниел был ближе и добрался до меня первым – так быстро, что почти не применил силы. Находишься он дальше, ему, возможно, пришлось бы вывихнуть мне руку или даже оглушить меня.

– И он бы зашел так далеко?

– Мистер Бейли, – сказал Фастольф, – я отдал распоряжение защищать вас, а отдавать распоряжения я умею. Они без колебаний спасли бы вас, даже если бы это означало причинить вред мне. Разумеется, они постарались бы – как Дэниел, – чтобы вред оказался минимальным. Он причинил вред только моему достоинству и прическе. Ну и пальцы у меня покалывает. – Фастольф огорченно пошевелил ими.

Бейли глубоко вздохнул, стараясь оправиться от секундной растерянности, и спросил:

– Разве Дэниел не стал бы защищать меня даже без вашего специального распоряжения?

– Разумеется. У него не было бы выбора. Однако не думайте, будто реакция робота – это просто да или нет, вверх или вниз, вперед или назад. Это очень распространенное за-

блуждение. Вопрос в быстроте реакции. Свои распоряжения относительно вас я сформулировал таким образом, что потенциал, заложенный во всех роботах моего дома, включая Дэниела, повысился далеко за нормальный уровень – до максимального в пределах разумного, насколько я мог это обеспечить. Поэтому реакция на четкую угрожающую вам опасность практически мгновенна, Я знал это и потому мог позволить себе напасть на вас со всей доступной мне быстротой – ведь необходимо было как можно наряднее показать вам, что любое мое нападение будет предотвращено.

– Безусловно, но «спасибо» я вам все-таки не скажу.

– А! Я абсолютно уверен в своих роботах, а в Дэниеле – особенно. Хотя, правда, я с некоторым опозданием сообразил, что не выпусти я судок сразу, Дэниел бы против своей воли – или эквивалента воли у роботов – мог сломать мне руку.

– Мне кажется, было глупо подвергаться такому риску, – сказал Бейли.

– Мне тоже так кажется – задним числом. А вот если бы вы приготовились швырнуть в меня судок, Дэниел сразу вам воспрепятствовал бы, но не совсем с той же быстротой, поскольку особых распоряжений о моей безопасности не получал. Надеюсь, он сумел бы меня спасти, но абсолютной уверенности у меня нет, и, пожалуй, я предпочту этого не проверять. – Фастольф весело улыбнулся.

– Ну а если на дом сбросят с той или иной воздушной ма-

шины какое-нибудь взрывное устройство? – спросил Бейли.

– Или если бы мы подверглись удару гамма-луча с соседнего холма? Мои роботы не гарантия абсолютной защиты, но здесь, на Авроре, подобные террористские покушения крайне маловероятны. Полагаю, из-за них нам волноваться не стоит.

– Согласен. Сказать правду, я серьезно не думал, доктор Фастольф, что вы опасны для меня, но мне необходимо было полностью исключить такую возможность, прежде чем идти дальше. Теперь мы можем продолжить.

– Да, конечно, – сказал Фастольф. – Этот весьма драматичный эпизод не снял главной проблемы: как доказать, что умственная заморозка Джендера была самопроизвольной и случайной.

Но Бейли теперь полностью признавал присутствие Дэниела и, обернувшись к нему, спросил с тревогой:

– Дэниел, тебе неприятно, что мы обсуждаем эту проблему?

Дэниел, тем временем поставивший комбисудок на самый дальний из столов, ответил:

– Партнер Элайдж, я предпочел бы, чтобы былой друг Джендер функционировал по-прежнему, но раз это не так и раз его функциональность восстановить невозможно, то важно принять меры, чтобы подобные случаи в будущем не повторялись. Поскольку данное обсуждение имеет именно такую цель, оно мне более приятно, чем неприятно.

– Ну, чтобы покончить с этим окончательно: Дэниел, ты полагаешь, что за гибель твоего бывшего товарища робота Джендера ответственность несет доктор Фастольф? Вы извините мой вопрос, доктор Фастольф?

Тот одобрительно кивнул, и Дэниел сказал:

– Доктор Фастольф заявил, что он тут ни при чем. Значит, это так.

– И у тебя нет никаких сомнения, Дэниел?

– Никаких, партнер Элайдж.

Фастольфа это словно позабавило.

– Вы ведь допрашиваете робота, мистер Бейли!

– Я это знаю, но Дэниела я воспринимаю не совсем как робота, а потому спросил.

– Никакая следственная комиссия не примет его ответы во внимание. Его позитронные потенциалы вынуждают Дэниела верить мне.

– Но я-то не комиссия, доктор Фастольф, и расчищаю завалы. Вернемся к исходной позиции: либо вы испепелили мозг Джендера, либо это была случайность. Вы заверили меня, что такая случайность недоказуема, а потому у меня остается один выход: опровергнуть вашу причастность. Иными словами, если я смогу, продемонстрировать, что у вас не было возможности убить Джендера, единственной альтернативой останется случайность.

– И как же вы это продемонстрируете?

– Вопрос стоит о средствах, удобном случае и мотиве.

Средство убить Джендера у вас имелось – теоретическая оснащенность, позволяющая поставить его перед такой дилеммой, что умственная заморозка была бы неизбежной. Но был ли у вас удобный случай? Джендер принадлежал вам в том смысле, что вы рассчитали его мозговые связи и наблюдали за его изготовлением, но находился ли он в вашем владении в момент заморозки?

– Собственно говоря, нет. Он находился во владении другого лица.

– Как долго?

– Около восьми месяцев. То есть несколько больше ваших шести.

– А-а! Интересно. Вы были с ним или где-нибудь поблизости в момент его гибели? Могли как-то добраться до него? То есть не можем ли мы доказать, что вы находились на таком расстоянии от него и настолько были лишены всякой связи с ним, что никак не могли быть причастным к его гибели в тот момент, когда она предположительно произошла?

– Боюсь, что нет, – ответил Фастольф. – Его гибель могла произойти на протяжении порядочного отрезка времени. С роботом после гибели не происходит ничего аналогичного окостенению или разложению – процессам, позволяющим точно установить время смерти человека. И мы можем сказать только: известно, что в такой-то момент Джендер еще функционировал, а в такой-то момент уже не функционировал. Между этими двумя моментами – промежуток около

восьми часов. Полного алиби на весь этот отрезок времени у меня нет.

– Никакого? А чем вы занимались в эти часы, доктор Фастольф?

– Я был здесь, у себя.

– Но ваши роботы, конечно, знают, что вы были здесь, и могут засвидетельствовать...

– Знать они безусловно знают, но юридически их свидетельства ничего не стоят, а в тот день Фанья уехала по своим делам.

– Да, кстати. Фанья тоже специалист в робопсихологии?

Фастольф позволил себе ироническую улыбку:

– О робопсихологии она знает меньше вас... К тому же все это ни малейшей важности не имеет.

– Как так?

Терпение Фастольфа явно истощилось.

– Мой дорогой мистер Бейли, речь же идет не о прямом физическом нападении вроде моей недавней атаки на вас. То, что произошло с Джендером, не требовало моего физического присутствия. Вообще-то Джендер находился относительно недалеко отсюда, но с тем же успехом мог бы находиться в другом полушарии. Я ведь мог вызвать его по переговорному устройству и, манипулируя распоряжениями и его реакцией на них, довести его до умственной заморозки. И времени на это потребовалось бы немного.

– Следовательно, – перебил Бейли, – это короткий про-

цесс и кто-то мог бы случайно получить роковой результат, хотя имел в виду что-то совсем другое?

– Нет! – отрезал Фастольф. – Авроры ради, землянин дайте же мне говорить. Я уже объяснил вам, что так быть не могло. Процесс доведения Джендера до заморозки был бы долгим, сложным и хитрым, требующим глубочайшего понимания и находчивости. И никто не мог бы получить такой результат случайно. Разве что ему предшествовал бы длинный ряд невысказанных совпадений и случайностей. Самопроизвольная заморозка все-таки гораздо более вероятна по сравнению со случайным следованием по такому сверхсложному пути, и я доказал бы это математически, если бы мои формулы принимались во внимание. Но вот если бы я хотел вызвать заморозку, то мало-помалу на протяжении недель, месяцев, даже лет, тщательно соразмеряя изменения и реакции, довел бы Джендера до критической точки. И ни разу на протяжении этого процесса не появилось бы никаких признаков, что он находится на грани гибели, – вот как вы в темноте можете шаг за шагом приближаться к пропасти, до последнего момента ощущая под ногами твердую почву. Когда же я довел бы его до предела – до края пропасти, – достаточно было бы одного моего слова, чтобы покончить с ним. Этот последний шаг занял бы лишь миг, понимаете?

Бейли сжал губы. Какой смысл скрывать разочарование?

– Короче говоря, удобный случай у вас был.

– Не только у меня, но у любого обитателя (или обита-

тельницы) Авроры при условии, что он (или она) обладает необходимыми качествами.

– Но качества эти есть только у вас.

– Боюсь, что так.

– Таким образом, остается только мотив.

– А!

– И вот тут мы можем преуспеть. Эти человекоподобные роботы – ваши. Они созданы на основании вашей теории и вы участвовали во всех стадиях их конструирования, пусть даже занимался им доктор Сартон. Они существуют благодаря вам – и только благодаря вам. Вы назвали Дэниела своим «первенцем». Они ваши творения, ваши детища, ваш дар человечеству, ваша заявка на бессмертие. (Бейли дал волю своему воображению, на мгновение представив себе, будто выступает перед следственной комиссией.) Так зачем, во имя всего святого, – или, если угодно, во имя Авроры, – вам понадобилось перечеркнуть свой труд? С какой стати вы уничтожили бы жизнь, которую создали ценой невероятной затраты умственных сил?

Фастольф усмехнулся:

– Но, мистер Бейли! Вы же ничего в этом не понимаете. Так почему вы считаете мою теорию плодом «неимоверной затраты умственных сил?» Ведь это могла быть просто очень скучная экстраполяция какого-то очень нудного уравнения, которую мог бы сделать кто угодно, и просто я первый решил поскучать.

– Не думаю, – ответил Бейли, стараясь вернуться к более спокойному тону. – Если никто кроме вас не способен понять человекоподобный мозг настолько, чтобы его уничтожить, то не сомневаюсь, что только вы понимаете его настолько, чтобы его создать. Вы будете это отрицать?

Фастольф покачал головой:

– Не буду. Однако, мистер Бейли (таким мрачным его лицо стало впервые с момента их встречи), ваш тщательный анализ только ухудшил наше положение. Мы уже установили, что средство для убийства и удобный случай его совершить были только у меня. Но волей судеб у меня есть и мотив – самый веский мотив в мире, И моим врагам это известно. Так как же, во имя всего святого – или, перефразируя вас, во имя Земли, мы сумеем доказать, что я его не совершал?

Бейли яростно насупился, Он быстро отошел, направляясь в угол, словно в поисках замыкающих стен, но внезапно обернулся и сказал резко:

– Доктор Фастольф, по-моему, вам нравится ошарашивать меня.

– Вовсе нет. – Фастольф пожал плечами. – Я просто обрисовываю вам проблему такой, какова она в реальности. Бедняга Джендер принял робосмерть из-за каприза позитронного дрейфа. Поскольку я не имел к ней никакого отношения, то могло быть только это, я убежден. Однако больше никто не может безоговорочно признать меня невиновным, а все косвенные улики указывают на меня. И следует смотреть правде в глаза, решая, можем ли мы что-то сделать, а если можем, то что.

– Хорошо. В таком случае рассмотрим ваш мотив. Возможно, он вовсе не такой веский, как представляется вам.

– Вряд ли, мистер Бейли. Я ведь не дурак.

– Но вы и не судья себе и своим побудительным мотивам. Как правило, люди не слишком способны судить о себе и своих поступках. Не исключено, что по какой-то причине вы себя драматизируете.

– Не думаю.

– Ну так объясните мне свой мотив. В чем он заключает-

ся? Говорите!

– Не торопитесь, мистер Бейли. Это не так просто. Не выйдете ли вы со мной наружу?

Бейли быстро взглянул на окно. Выйти во Вне?

Солнце опустилось ниже, и свет его ярче наполнял столовую. Бейли замялся, а потом сказал громче, чем следовало:

– Да. С удовольствием.

– Превосходно, – отозвался Фастольф и добавил дружески; – Но не хотите ли сперва заглянуть в Личную?

Бейли прикинул. Никакой потребности он не испытывал, Но как знать, что ждет его во Вне? Долго ли они там останутся и какие там есть удобства? Главное же, он не знает обычаев аврорианцев, а в фильмокнигах, которые он просмотрел на корабле, об этой стороне их жизни, насколько ему помнилось, не было ничего. Пожалуй, безопаснее последовать намеку хозяина дома.

– Спасибо, – сказал он, – Если можно.

Фастольф кивнул и распорядился:

– Дэниел, проводи мистера Бейли в Личную для гостей.

– Партнер Элайдж, – сказал Дэниел, – вот сюда.

Когда они вышли а соседнюю комнату, Бейли сказал:

– Мне очень жаль, Дэниел, что ты не принимал участия в моем разговоре с доктором Фастольфом.

– Так не полагается, партнер Элайдж. Когда вы задали мне прямой вопрос, я ответил, но стать участником разговора меня не пригласили.

– Я бы пригласил, Дэниел, но я здесь гость и подумал, что было бы нетактично взять инициативу на себя.

– Я понимаю... Вот Личная для гостей, партнер Элайдж. Когда помещение свободно, дверь откроется, если вы прикоснетесь к ней в любом месте.

Но Бейли не вошел. Он задумался, а потом спросил:

– Но если бы тебя пригласили участвовать в разговоре, Дэниел, ты сказал бы что-нибудь? Сделал бы какое-нибудь замечание? Я хотел бы узнать твое мнение, друг мой.

Дэниел сказал с обычной серьезностью:

– Мне хотелось бы сказать, что утверждение доктора Фастольфа, будто у него был веский мотив вывести Джендера из строя, было для меня полной неожиданностью. Я не знаю, в чем заключается этот мотив. Но что бы он вам ни сказал об этом, вы могли бы спросить его, почему тот же мотив не побудит его подвергнуть умственной заморозке меня. Если кто-то верит, что у него была побудительная причина вывести из строя Джендера, почему та же причина не относится ко мне? Мне любопытно это узнать.

Бейли пристально посмотрел на Дэниела, машинально стараясь прочесть выражение лица, которое всегда находилось под жестким контролем, и сказал:

– Ты испытываешь тревогу, Дэниел? Ты чувствуешь, что Фастольф тебе угрожает?

– Третий Закон требует, чтобы я берег свое существование, – сказал Дэниел. – Однако я не стал бы защищаться,

если бы доктор Фастольф или любой другой человек обоснованно решил, что его следует прервать. Таков Второй Закон. Но я знаю, что представляю большую ценность и с точки зрения вложенных в меня материалов, труда и времени, и в научном смысле, Поэтому потребовалось бы убедить меня в вескости причин, требующих, чтобы мое существование было прервано. Доктор Фастольф ни разу – ни разу, партнер Элайдж! – не говорил мне ничего, указывающего, что он думает о подобном. Я не верю, что он даже отдаленно помышляет о том, чтобы кончить мое существование, или что такая мысль приходила ему относительно Джендера. Существование Джендера, видимо, прервал случайный позитронный дрейф, как он, возможно когда-нибудь прервет и мое. Во Вселенной всегда присутствует элемент случайности.

– Ты утверждаешь это, Фастольф утверждает это, и я верю, что так и было. Трудность в том, чтобы убедить большинство людей согласиться с нами. – Он угрюмо посмотрел на дверь Личной. – Ты войдешь со мной, Дэниел?

По лицу Дэниела скользнуло что-то, соответствующее веселой улыбке.

– Очень лестно, партнер Элайдж, когда тебя настолько принимают за человека. Этих потребностей у меня, естественно, не существует.

– Естественно. Но все равно ты можешь войти.

– Входить мне не полагается. Не принято, чтобы роботы входили в Личную. Обстановка такого помещения чисто че-

ловеческая... А к тому же это одноместная Личная.

Одноместная! Бейли был неприятно поражен, но справился со своими чувствами. Другие миры – другие обычаи! И об этом обычае в фильмокнигах вроде не упоминалось. Он сказал:

– Ах так вот что ты имел в виду, когда сказал, что дверь откроется, только если там не занято. Ну а если занято, как будет тогда?

– Тогда прикосновение снаружи дверь не откроет: ваши личные процедуры полностью ограждены. Естественно, прикосновение изнутри ее откроет.

– Ну а если посетитель потеряет сознание, находясь там? Если с ним произойдет инсульт или инфаркт и он не сможет прикоснуться к двери изнутри? Получается, что никто не сможет войти, чтобы помочь ему?

– Если появится такая необходимость, есть аварийные способы открыть дверь. – Он встревоженно добавил: – Вам кажется, что нечто подобное может произойти?

– Конечно, нет. Я просто поинтересовался.

– Я буду стоять у самой двери, – сказал Дэниел с беспокойством. – Если я услышу ваш голос, партнер Элайдж, то сразу приму меры.

– Ну, это вряд ли понадобится. – Бейли небрежным жестом чуть коснулся двери, и она тотчас открылась. Он подождал, проверяя, закроется она или нет. Дверь оставалась открытой, но едва он вошел, как она закрылась.

Пока он глядел в дверь, Личная казалась строго функциональным помещением. Раковина, кабинка (видимо, с душем), ванна, прозрачный экран на петлях, за которым виднелось сиденье, скорее всего унитаза. И еще какие-то приспособления, назначения которых он не знал. Предположительно, те или иные туалетные принадлежности.

Но ничего толком он разглядеть не успел, так как через мгновение обстановка исчезла, и ему оставалось гадать, действительно ли он видел раковину, ванну и прочее, или ему померещилось, потому что он ожидал их увидеть.

Едва дверь закрылась, на миг наступила полная темнота, так как помещение было без окон, затем свет вспыхнул, но вокруг все стало другим. Свет был солнечный, а он находился во Вне... или так казалось?

Открытое небо над головой с облаками, проплывающими настолько симметрично, что выглядели явно нереальными. А по сторонам простирались заросли трав, которые колыхались столь же упорядоченно.

Бейли почувствовал знакомый ком в горле, встававший там всякий раз, когда он бывал во Вне... Но сейчас он не во Вне. Он вошел в помещение без окон. Следовательно, это зрительная иллюзия.

Он медленно зашаркал по полу, глядя прямо перед собой. Вытянул руки вперед. Медленно. Напрягая зрение.

Его пальцы прикоснулись к гладкой стене. Он провел ладонями по ее гладкости вправо и влево. И прикоснулся к то-

му, что из-за двери показалось ему раковиной, Ощупывая ее, он сквозь слепящий свет разглядел смутные очертания.

Нащупал кран. Но вода не потекла. Провел ладонью до его основания, но не обнаружил никакого эквивалента ручек регулирующих струю. Зато нащупал на стене шероховатый овал и слегка нажал на него, проверяя. Тут же травы, простирающиеся далеко за плоскость, которую его пальцы определили как стену, раздвинулись, пропуская поток воды, и она с громким плеском полилась с высоты к его ногам.

Бейли в панике отпрыгнул, но вода исчезала, не касаясь его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола, Он подставил под нее ладонь. Не вода, а игра света. Ладонь осталась сухой, он ничего не почувствовал. Но глаза упорно продолжали видеть воду.

Он провел рукой по струе вверх и тут ощутил воду. Она струйкой текла из крана и была холодной.

Его пальцы снова нащупали овал и, экспериментируя, он начал нажимать на него в разных местах, Температура быстро изменялась, и он установил, где именно следует нажать, чтобы вода была теплой.

Мыла он не нашел и неохотно принялся тереть ненамышленные руки друг о друга под (как казалось) струей родника, которая должна была бы обливать его с головы до ног, но не обливала. Тут вода стала мыльной – то ли аппарат читал его мысли, то ли (что было вероятней) среагировал на потирание рук, – а родник, который он видел и не видел, вдруг

запенился.

Все с той же неохотой он нагнулся над раковиной и обер мыльной водой лицо, ощущая под ладонями колкую щетину. Но получить принадлежности для бритья без объяснения, как это сделать, он не мог.

Он кончил умываться, но продолжал беспомощно держать руки под струей. Как прекратить подачу мыла? Праздный вопрос! Видимо, достаточно было того, что его руки перестали тереться о его лицо и друг о друга. Вода перестала быть мыльной и смыла пену с его рук. Он ополоснул лицо, стараясь не касаться кожи. И сильно намочил рубашку, потому что ничего не видел и с непривычки был очень неуклюж.

Полотенца? Салфетки?

Он попятился, зажмурившись и вытянув шею вперед, чтобы вода, стекающая с лица, больше на одежду не попадала. Видимо, шаг назад явился сигналом, так как он ощутил на лице теплую струю воздуха, а потом подставил под нее и руки.

Комок в горле давно исчез под влиянием раздражения. Он понимал, что Личные на каждой планете должны обладать своими особенностями, но создавать в Личной иллюзию Вне – это уж слишком!

На Земле Личная представляла собой обширное помещение для людей одного пола, снабженное закрытыми кабинками, которые отпирались личным ключом. На Солярии в Личную шли по узкому коридору, пристроенному к стене дома,

словно соляриане надеялись создать впечатление, что помещение это к дому отношения не имеет. Однако на обеих планетах, несмотря на все их колоссальные различия, Личные были оборудованы строго функционально, и в них нельзя было спутать назначение предметов. Так для чего на Авроре старательно маскируют обстановку Личной сложной иллюзией сельской местности?

Ну во всяком случае злость не оставила места для переживаний из-за того, что он словно бы очутился во Вне.

Бейли шагнул туда, где видел прозрачный экран, но ошибся в выборе направления и отыскал его, медленно пробираясь вдоль стены на ощупь и ушибаясь о невидимые выступы.

В конце концов он помочился в иллюзию небольшого пруда, поверхность которого не пошла кругами от его струи, Колени сказали ему, что он целится в центр того, что считал урином. А если это вовсе не уринал или он промахивается, то вина не его!

Затем он хотел было снова отыскать раковину и ополоснуть руки, но передумал. Опять разыскивать, опять этот поддельный водопад? Нет уж!

Он принялся ощупью искать входную дверь, но обнаружил, что нашел ее, только когда она открылась от его прикосновения. Свет внутри сразу погас, и он вышел на нормальный реальный свет дня.

Рядом с Дэниелом стояли Фастольф и Жискар.

– Вы пробыли там почти двадцать минут, – сообщил

Фастольф. – Мы уже начали беспокоиться.

Бейли захлестнула жаркая волна гнева.

– Мне мешали ваши дурацкие видеоиллюзии, – сказал он, крепко держа себя в руках.

Фастольф вытянул губы, и его брови поднялись в безмолвном удивлении. Он сказал:

– Сразу за дверью есть контакт, регулирующий видеоиллюзии. Их можно сделать прозрачными, так чтобы видеть обстановку, или отключить совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.